
Т
А
К
Е
Ш
И

К
И
Т
А
Н
О

К
И
К
У
Д
З
И
Р
О
И
С
Д
А
К
И

«ОЛМА Медиа Групп»
представляет книжную серию
современной японской прозы
«ВОСТОК – ЗАПАД»

ТАКЕШИ КИТАНО

«Мальчик»
«Кикудзиро и Саки»
«Парень из Асакусы»
«Давай, Такэси!»

АМИ САКУРАИ

«Невинный мир»

КЕНЗО КИТАКАТА

«Клетка»

**Т
А
К
Е
Ш
И
К
И
Т
А
Н
О**

**К
И
К
У
Д
З
И
Р
О
И
С
А
К
И**

Москва
2009

УДК 82-31
ББК 84.5 (Япо.)
К45

KIKUJIRO TO SAKI by Takeshi Kitano (Beat Takeshi)

Copyright © 1999 Takeshi Kitano (Beat Takeshi)

Original Japanese edition published
by SHINCHOSHA publishing CO., LTD, Tokyo
Russian translation rights arranged with
by SHINCHOSHA publishing CO., LTD, Tokyo
through Nova Littera Ltd., Moscow and Timo
Associates Inc., Tokyo. Russian translation
Copyright © 2009 by OLMA Media Group

Китано Т.

К45 Кикудзиро и Саки/ Перевод с японского Г. Рыбиной и В. Рыбина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 160 с.

ISBN 978-5-373-02603-1

Мать, суровая и властная Саки Китано, оставила неизгладимый след в жизни сына. Отец Кикудзиро был нелепым и робким человеком, который, не выпив саке, не мог вымолвить и слова... Такеши Китано унаследовал жесткий и сильный характер матери и талант быть смешным и бестолковым, видимо передавшийся от отца. В книге содержатся его детские воспоминания о родителях и последующий взгляд на них уже глазами взрослого человека, пережившего смерть отца и матери.

УДК 82-31
ББК 84.5 (Япо)

© Китано Т., текст, 1999
© Рыбина Г., Рыбин В.
перевод, 2009
© ЗАО «ОЛМА Медиа
Групп», 2009

ISBN 978-5-373-02603-1

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Переводчик с японского языка на русский в первую очередь стоит перед выбором: следовать ли *бытовой* транскрипции японских имен, географических названий и реалий или транскрибировать слова такого рода, попадающиеся в тексте, в соответствии с предложенной еще в начале XX века и научно обоснованной Е. Д. Поливановым транскрипции на базе кириллицы?

Японоведы, получившие академическое образование, естественно, выбирают второй путь. Первый же, названный нами *бытовым*, основывается на американизированной передаче на письме (а часто и в устной речи!) слов японского происхождения. Читатель должен сделать свой выбор: действительно ли русский язык (его письменность и фонетика) беднее американского варианта английского языка? Поверьте нам на слово, в фонетике

русского и японского языков больше общих элементов, чем в японском и английском!

Для русских приверженцев «американизации» следует напомнить одно правило из родного языка, которое гласит: «ЖИ и ШИ пиши через И!»

Предваряя дальнейшие рассуждения по поводу используемой в переводе транскрипции, скажем, что фамилию и имя (именно в таком порядке принято писать и говорить о человеке в Японии!) японского автора правильно следует писать: КИТАНО Такэси! (Сравните с КУРОСАВА Акира и др.)

Обратный порядок – это отход от японской традиции в угоду европейцам и американцам. Однако это часто приводит к курьезам. Так, в одном небольшом сборнике японских радиопьес, изданном в Москве в 70-х гг. прошлого века, при сокращении имен авторов с легкой руки безграмотных составителей появилось – Рюноскэ А. Имеется в виду широко известное в мире имя писателя АКУТАГАВА Рюноскэ! Это все равно, что написать Антон Ч., подразумевая А. П. Чехова.

Что же касается имени Такэси, то в японском слого «-КЭ» есть небольшое смягчение согласного «К» перед «Э»,

но это не означает, что мы должны читать это как «КЕ». Да и к тому же в этом контексте вряд ли кто-то из русскоговорящих произносит так называемое широкое «Э», как, скажем, в имени Эмма. Но если следовать написанию через «Е», то тогда и старинное название японской столицы Эдо (ныне Токио) надо было бы записывать как Едо! Хотелось бы определенного единообразия!

Вернемся к правилу «ЖИ-ШИ». Зададим вопрос, может ли носитель русского языка произнести «ШИ» смягченно? Нет. Звучит «ШЫ». Для этого и правило из начальной школы, чтобы дети не путали звучание и орфографию. Значит, если бы мы могли это смягчение артикулировать, то и правило было бы лишним! Отсюда следует, что русская транскрипция **Такэси** через «Э» и «СИ» корректнее и ближе к японскому звучанию.

Здесь же между делом можно упомянуть и о **СУСИ** и **САСИМИ**, которые у многих любителей японской кухни на слуху. Так вот, дорогой читатель, Вы все же едите **СУСИ** и **САСИМИ**, а не **СУШЫ** и **САШЫМИ**! А американская атомная бомба в августе 1945 года была сброшена на город **ХИРОСИМА**, а не **ХИРОШЫМА**! Некоторые читате-

ли ездят на авто фирмы МИЦУБИСИ, а не на МИЦУБИШЫ!

Все эти аргументы относятся и к транскрипции имен, встречающихся в переводе: КИКУДЗИРО, ФУДЗИСАКИ, топонимов АДАТИ (не АДАЧЫ!), ОДЗИ (не ОДЖЫ!), УМЭДЗИМА (не УМЭДЖЫМА!) Ведь нам не хочется думать, что священная для японцев гора ФУДЗИСАН вдруг превращается в какую-то Фуджыяму! И будем помнить, что эпоха почти революционных преобразований в Японии, начавшаяся в 1867 г., это эпоха МЭЙДЗИ, а не МЭЙДЖЫ!

Добавим, что если до конца следовать «американскому принципу, то и ОЦУКА-сан надо было бы транскрибировать как ОТСУКА-сан. А зачем?

Желаем приятного прочтения и надеемся, что транскрипции, использованные нами при переводе, будут способствовать более правильному «звучанию» японских слов в ушах читателей. Слышащий да услышит!

*В. Рыбин, зав. кафедрой
японоведения Восточного
факультета СПбГУ,
кандидат филологических наук.
Март 2009 г.*

М

ама считает, что ты непочтительный сын.

Мне позвонила старшая сестра, она владелица пансионата в Каруидзаве. Похоже, мамаша, которая лежит сейчас в больнице в Каруидзаве, сердится на то, что я не навещаю ее. Диагноз у нее – «остеопороз». Врач говорит, что от недостатка кальция кости со временем стали совсем слабыми. Тут я подумал: «Конечно, раньше мамаша все время питалась очень скромно, вот кальция-то и не хватает» и расчувствовался. И решил, что, увидев меня, она хоть немножко порадуется.

И вот однажды в начале весны я выкроил в своем напряженном графике свободный день для поездки в Каруидзаву.

За день до того я на всякий случай позвонил в больницу:

– Вас беспокоит Такэси, сын Кита-но Саки. Как чувствует себя моя мать?

– Подождите, пожалуйста.

Я подумал, что сейчас к телефону подойдет доктор, и внутренне напрягся, но тут вдруг в трубке раздался машин голос:

– Можешь вообще не приезжать!

«С чего это вдруг такое заявление – можешь вообще не приезжать?» – удивился я и сказал:

– Разве ты не чувствуешь себя плохо?

– Если уж могу по телефону говорить, значит, все нормально. Лучше скажи, ты правда приедешь? И когда же появишься?

«Вот тебе и раз! А она ведь надеется...» – подумал я.

– Завтра приеду, на поезде, который отходит от Уэно в 10 утра.

– Если приедешь, у меня к тебе просьба. Запиши подробно. Здесь двадцать медсестер...

– Это ты к чему?

– Слушай, не перебивай! Их в больнице двадцать человек. И вроде все медсестры ходят за покупками в универмаг «Такасима» в Такасаки. Так что привези двадцать подарочных сертификата-

тов «Такасима» по десять тысяч иен, понял?! Потом лечащих врачей трое. Им нельзя такие же, как медсестрам, поэтому возьми три сертификата по сто тысяч иен. Мне на мелкие расходы триста тысяч, сестре двести тысяч...

— погоди! Зачем...

— Ты что, такую ерунду и то не можешь сделать, дурак несчастный! — заорала она и бросила трубку.

«В больнице лежит, а ничуть не изменилась», — с досадой подумал я.

* * *

Конечно, времени на покупку каких-то там «подарочных сертификатов Такасима» у меня не оказалось. Под звуки металлического голоса «Поезд отправляется...» я едва успел запрыгнуть в вагон «Асама» номер 9.

В будний день в первом классе экспресса сидели одни только служащие в пиджаках. Я устроился поудобнее и вдруг почувствовал, что не смогу выдержать визит в больницу на трезвую голову. Тут же, недолго думая, купил банку пива у продавщицы, что проходила по рядам, предлагая свой товар. Кроме меня, таких, кто начал бы выпивать с самого утра, больше не нашлось.

После Уэно поезд едет по шумным узким городским улицам в районах Угуисудани и Одзи, едва не задевая стволы и кроны деревьев. В Токио пока еще сохранились вот такие места, похожие на Умэдзима в районе Адати, где я вырос, и они вызывают ностальгические чувства. Глядя в окно, я невольно вспомнил те времена, когда мы, школьники младших классов, изредка ездили на поезде.

Это случилось в день моего рождения, в тот год, когда я пошел в шестой класс.

Мамаша вдруг сказала:

«Такэси, давай собирайся по-быстрому. Я хочу тебе кое-что купить».

До этого я ездил на поезде только в другой город или на экскурсии со школой, а тут вдруг мне еще что-то собираются купить!.. У меня аж дух захватило от возбуждения.

По дороге я размечтался: хорошо бы получить перчатку для бейсбола, или, может, лучше электрический паровозик, но тут оказалось, что мы уже приехали – на станцию Канда.

Мамаша привела меня в большой книжный магазин.

– Всего лишь книга... – разочарованно прошептал я и тут же получил по затылку. Удар был что надо.

Все было бы еще ничего, если бы подарок оказался собранием шедевров мировой литературы или чем-нибудь в этом роде. Но когда мне купили детскую энциклопедию в десяти томах под названием «Свобода познания», где было все, начиная с математики, у меня просто голова пошла кругом. Что это еще за свобода познания такая? У меня тогда и свободы никакой не было, и «познания» были не то чтобы очень. До сих пор, когда слышу песню «Энциклопедия с маркой лошадки», настроение портится¹.

Когда мы вернулись домой в тот вечер, мамаша тут же заставила меня читать эту энциклопедию. Стоило мне отвлечься немного, как я тут же получал подзатыльник или тычок ручкой метлы. Видимо, уж очень ей хотелось приохотить меня к знаниям.

Тогда всех родителей, кого в большей степени, кого в меньшей, обуревали такие желания. И моя мамаша тоже

¹ Мать купила Такэси энциклопедию «Дзию дзидзай», выпущенную издательством, символом которого являлась лошадь. Какое-то время в Японии была популярна песня, начинавшаяся словами «Энциклопедия с маркой (или символом) лошадки».

делала ставку на будущее детей, полагая, что в конце жизни дети обеспечат ей безбедное существование и с процентами вернут все вложенное в них.

Сама мамаша считала себя особенной женщиной и все время заводила речь о некоей своей связи с семьей какого-то барона. Казалось, что она все время ощущала себя не в «своей тарелке», разделяя жизнь с моим отцом, маляром и пьяницей. Словно все время думала – это не то место, где она должна быть. А может, ей казалось, если правильно воспитать детей и хоть как-то вывести всех в люди, то это будет спасением и для нее самой. И этот план вроде бы оправдал надежды матери. По крайней мере, если говорить о результатах воспитания моих старших братьев...

Мои детские годы пришлись на время, когда Япония начала развиваться быстрыми темпами. Тогда лучшим вариантом карьеры для молодого человека считалось поступление в любой технический вуз – машиностроительный, политехнический, неважно какой. Главное было – как-то разбираться в технике и попасть на работу в известную фирму. Поэтому мамаша считала, что я, имея перед глазами пример старших братьев, буду стараться изо всех

сил, чтобы успешно следовать по их пути. В это время мой самый старший брат и сестра уже начали работать, и в семейном кошельке завелись кое-какие деньги. Из всех детей только мне одному посчастливилось не застать нашу семью во времена бедности. Часто говорят: чем семья беднее, тем почтительнее растут в ней дети. Я был самым младшим из «почтительных детей», и у меня в голове не мелькала даже тень мысли о том, что надо работать для блага семьи или стать известным. И тогда, и теперь мне не удалось побороть желание просто получать удовольствие от жизни.

В школьные годы у нас с мамашей шла непрекращающаяся борьба — она старалась заставить меня учиться, а я изо всех сил отлынивал от занятий и хотел только играть в бейсбол. Наша соседка, видя, как я влюблен в эту игру, очень мне сочувствовала — ведь у меня не было бейсбольной перчатки! И вот на какой-то день рождения она тайно купила перчатку мне в подарок. Мамаша же ни за что не хотела разрешить мне играть в бейсбол, и если бы только узнала, что у меня есть «эта гадость», мне бы здорово попало.

Мы жили в малюсеньком доме — одна комната размером в четыре с по-

ловиной дзё¹, вторая в шесть дзё и кухня, поэтому спрятать перчатку в доме было негде. Возле «энгава»² примостился кусочек зелени, который с трудом можно было назвать садиком, там росло маленькое деревце гингко. Делать нечего – я завернул перчатку в полиэтиленовый пакет, спрятал под деревом и напустил на себя невинный вид. В день бейсбольных тренировок я потихоньку откапывал пакет, а потом снова зарывал его в землю. Но как-то раз перчатки на месте не оказалось, а вместо нее в пакет была завернута энциклопедия!..

Мамаша сочла, что раз я столько сил и энергии отдаю бейсболу, значит, у меня слишком много свободного времени. Поэтому меня определили на курсы английского языка и каллиграфии. Про английский язык в нашем районе Адати никто и слыхом не слышивал, поэтому мне приходилось ез-

¹ Дзё – мера площади, равная примерно 1,5 кв. м и совпадающая с размером японских циновок татами в традиционных японских домах. Площадь комнат и помещений часто считается по количеству татами.

² Энгава – открытая веранда или галерея, расположенная с двух или трех сторон японского дома.

дить в Китасэндзю, до которого надо было трястись три остановки на электричке. Я брал велосипед со словами «Я поехал!», делал вид, что уезжаю, а сам играл с друзьями или сидел в парке. Потом через какое-то время возвращался.

Но вот как-то раз прихожу я домой, а мамаша встречает меня словами: «Hello! How are you?» А я и не знаю, что ей ответить. Пока молчал и думал, она мне и врезала.

— Ты ведь никуда не ходишь?! Надо отвечать: «I am fine». Дурак несчастный!

Это меня потрясло.

«Откуда она так знает английский? — размышлял я. — Может, она якшается с американскими солдатами? Может, деньги на мои занятия английским языком она получает от американцев?»

Я начал по-настоящему волноваться, ведь я знал, что ради меня она способна даже и на такое.

Кроме английского, меня заставляли ходить на занятия каллиграфией. И там я тоже появлялся нечасто, проводя время за игрой в бейсбол. Иногда, испытывая угрызения совести, вытаскивал тушечницу, брал кисть и, расправив бумагу на парковой скамейке, крупно писал свое имя.

Как-то раз мамаша вдруг потребовала показать, чем я занимаюсь на каллиграфии. Я вытащил те самые листочки, что разрисовал иероглифами в парке, а она говорит: «Педагог по каллиграфии, чтоб ты знал, обязательно исправляет ошибки красным, так что зря ты пытаешься сделать вид, что ходишь на занятия. Кого обманут твои каракули?!»

И опять изругала меня нещадно.

Выслушав это, я выгреб все свои жалкие сбережения, сэкономленные на карманных расходах, пошел в канцелярский магазин и купил тушь красного цвета. Снова написал иероглифы, внес исправления как будто бы рукой «сэнсэя» и стал дожидаться, когда мне вновь будет сказано: «Покажи прописи!»

И вот наконец мамаша велела: «Такэси, принеси прописи».

«Дождался», – подумал я про себя и вытащил заготовленное, но иероглифы, исправленные красным, были выведены так неумело, что я снова попался.

То ли мамаша устала бороться со мной, то ли у нее было хорошее настроение, но в этот раз она особенно даже и не ругалась. Только сказала: «Если тебе так уж не нравится каллиграфия, можешь туда не ходить».

Сейчас, вспоминая все это, я думаю: «зачем я все это вытворял?» и прихо-

жу к выводу, что мне, пожалуй, нравилась борьба с мамашей, чем бы она ни заканчивалась. Мамаша все же не столько была «кёйку мама»¹, сколько типичной тетушкой, которой нравилось быть полезной людям.

В начальной школе у меня был классный наставник по имени Фудзисаки-сан. Он родился где-то в Тоттори, закончил краткосрочные педагогические курсы. Наверное, сразу после этого пришел к нам в школу. Мамаша считала самым обычным делом пойти к нему постирать или приготовить еду, причем чуть ли не каждый день. Она говорила: «Все, что угодно, если ребенку будет от этого лучше».

Помню даже мой старик (Кикудзиро) как-то раз рассердился и начал кричать: «Для меня ты ничего не делаешь, а для учителя Такэси и стирать готова у него дома! С чего это вдруг, дрянь ты эдакая!» А она ему: «Да ты ничего не понимаешь в воспитании, дурак!» Слово за слово, дело дошло до жуткой ссоры.

Каким бы ни был мой отец, ему, как мне кажется, приходилось нелегко.

¹ «Кёйку мама» – мать, которая полностью посвящает себя образованию и воспитанию детей, уделяя этому все свое время.

И дома он все время существовал как бы на правах бедного родственника. В общем понятно, почему он каждый день возвращался домой в пьяном виде.

Да, кстати, моя война с мамашей вовсе не закончилась тем эпизодом с иероглифами. Все продолжалось в том же духе и в средней школе, и в старших классах, и в университете. Если задуматься, то получается, что вся моя жизнь состояла из битв с мамашей.

* * *

То, что я в конце концов поступил на политехнический факультет университета Мэйдзи, тоже являлось ничем иным как небольшой победой мамаша. Кончилось это плачевно — я бросил учебу, и сражениям матери и сына на поле образования был положен конец. Но временами я чувствовал себя виноватым, потому что мое поведение напоминало бегство в самый критический момент сражения. Впрочем, для мамаша наша битва не ограничивалась только областью учебы.

Она ставила перед собой намного более высокую цель. Короче говоря, она мечтала, чтобы в результате нашей

войны «я стал бы как минимум порядочным человеком, похожим на старших братьев».

По этой причине вмешательство мамы в жизнь сына, уже ставшего студентом, не прекращалось. Я, наоборот, считал, что поступил в университет самостоятельно, и совсем не думал благодарить мамашу. Как это ни прискорбно звучит, я вообще не испытывал чувства благодарности. Более того, мне стало казаться, что из всех моих близких мамаша именно тот человек, который разрушает мою жизнь.

Я начал подрабатывать, у меня появилась уверенность, что я смогу самостоятельно заработать на оплату жилья и карманные расходы. В конце концов я набрался храбрости и решил уйти из дома. Это случилось весной, когда я учился на втором курсе.

Выждав момент, когда мамы не было дома (она подрабатывала где-то по соседству), я приехал на машине друга из мебельной лавки, чтобы забрать вещи. И на тебе, в самый неподходящий момент из-за угла появляется мамаша!

— Такэси, ты что делаешь?!

— Ухожу из дома, — ответил я и отвернулся.

А она мне и говорит:

— Надумал уходить, так уходи. Ты уже не ребенок. А я-то старалась, дотащила тебя до института. И не вздумай возвращаться. С сегодняшнего дня я тебе не мать, а ты мне не сын! — она буквально кипела от гнева.

Несмотря на это, она не ушла в дом, а стояла и смотрела вслед, пока грузовик не скрылся в направлении района Аракава. Я тоже испытывал боль и смущение, но я был твердо уверен в том, что если не решусь на это, то никогда не смогу стать самостоятельным.

Переехал я в дом к старичку, которого звали Оцука-сан. Он как раз ушел на пенсию, построил на своей земле дом в несколько маленьких квартирок, сдавал их и на эти деньги кое-как существовал. Меня познакомил с ним приятель. Плата за комнату в шесть дзё составляла четыре с половиной тысячи иен. Обычно такое жилье стоило тысяч семь, так что это было дешевле некуда.

«Вот она, новая жизнь!» — думал я в первые дни. Вставал в шесть утра, даже делал зарядку под радио и вообще был полон воодушевления. Но очень скоро, как, наверное, и следовало ожидать, я превратился в опустившегося человека.

Учеба стала казаться глупым и ненужным занятием, на заработки я то ходил, то не ходил, болтался между не-

бом и землей, а когда опомнился, оказалось, что неоплаченных счетов за жильё накопилось уже за полгода. Я боялся встречаться с Оцука-сан, поэтому дело дошло до того, что я прятался и уходил и приходил домой через окно.

Пришла осень. Голые ветви деревьев, качаясь под напором ветра, стучали по оконному стеклу. В один из дней я валялся под одеялом до полудня, мне было тепло и уютно... Но тут явился Оцука-сан.

— Есть разговор, — говорит он мне.

А я вскочил, стою столбом и кроме слова «извините», ничего сказать не могу. Соображаю плохо, но какой-то частью ума понимаю: за полгода не плачено, надо готовиться съезжать с квартиры... и тут вдруг он как заорет на меня:

— Сядь, где стоишь!

Я подумал: «с чего это Оцука так разошелся», но решил, что нужно изобразить раскаяние, и уселся, выпрямив спину.

— Ну, где ты еще найдешь такого дурака?!

— О чем это вы?

— Ты что же думаешь, можно не платить полгода, и все тебе сойдет с рук? Дескать, это обычное дело?!

— Нет, что вы! Само собой, вы давно должны были меня выгнать! — ответил я, уставившись в пол.

— Тогда почему ты до сих пор здесь?

— Потому что Оцука-сан очень добрый.

— Вот оно что. Ты не только дурак, а еще и рассуждаешь как малое дитя.

Оцука-сан вздохнул и помолчал.

— Вспомни, Китано, ты переехал сюда полгода назад. Только ты появился, как приехала твоя мать. Она сказала, что следила за тобой, взяв такси.

Я подумал: «Ничего себе!» и покраснел.

— Она мне сказала: «Этот дурачок наверняка будет задерживать оплату за квартиру. Как только накопится долг за два месяца, присылайте мне счет». Вот так она и присылала мне деньги до сегодняшнего дня, только поэтому ты здесь еще ошиваешься. Я-то получал за жилье, но ты ведь ни копейки не заплатил. Хоть бы раз вспомнил о матери!

Оцука-сан ушел, а я еще долго лежал в постели и все думал, думал... С одной стороны, я был благодарен... немного, но с другой — меня не оставляла мысль о том, что я никогда не смогу сбежать из-под маминой опеки...

Вот и вторая битва с мамашей закончилась для меня полным поражением.

«Может, и правда нужно искренне поверить словам мамыши, взяться за ум, ходить на занятия в институте, стать настоящим ученым или исследователем, и все будет здорово. Это же гораздо лучше, чем прожить всю жизнь сыном маляра, ходить вместе с ним на работу и что-то там красить».

Это было первое, о чем я подумал.

«Ладно, пусть это будет мир, наполовину запрограммированный мамашей. Ну и что в этом плохого?!» — я прикидывал и так и эдак, но никаких доводов против в голову не приходило.

«Вот если вспомнить моих друзей детства. Кто-то стал рабочим, кто-то водителем такси, а те, кто были совсем бестолковыми, бегают "шестерками" у якудза. Чем эти парни отличались от меня? Да ничем. Хотя нет, одно отличие было. У них нет такой матери, как у меня».

Но другой голос нашептывал мне: «Послушай, Такэси! Ты ведь хочешь стать кем-то неповторимым, делать то дело, что не может никто, кроме тебя».

Но что значило это самое «то дело»? Непонятно. При этом я прекрасно понимал, что если каждый день

лежать пузом кверху в постели до полудня, не станешь ни профессиональным бейсболистом, о чем я так мечтал в детстве, ни актером.

Я все думал: в чем заключается это загадочное «нечто», с чем могу справиться только я. И сколько ни ломал голову, ничего не мог придумать. Но мне ужасно хотелось бросить вызов этому самому «нечто».

Прежде я одну за другой проигрывал битву с мамашей. Может быть, правы те, кто говорят – какая мать, такой и сын, но я ни в коем случае не хотел начинать новую жизнь только из-за того, что терпел поражения. Я хотел выиграть у мамашаи хотя бы одно очко.

Придя к этой мысли, я принял решение.

* * *

Мамаше сейчас девяносто два года. Она на четыре года старше недавно умершей Сугимура Харуко¹. То есть

¹ Сугимура Харуко – актриса драматического театра «Сингэки» (дословно «Новая драма»), постановки в котором ориентированы на современные пьесы.

женщина, родившаяся в эпоху Мэйдзи¹. Ко всему прочему, она родила меня, когда ей уже исполнилось сорок. Так что, пожалуй, в этой битве шансов на победу у меня не было с самого начала.

В детстве я как-то раз, думая сбить спесь с мамыши, спросил:

— Мамуль, зачем ты родила меня в таком возрасте?

А она с легкостью отразила удар, ответив, что-то вроде: «Денег не было на аборт».

Она постоянно твердила: «Я была старшей служанкой в доме барона Такаяма, занималась воспитанием детей. Я-то образованна, не чета вашему папочке».

Звучало это очень подозрительно, но вроде бы мамаша окончила школу, готовящую учителей, и стала настолько «ученой дамой», что ее призвали заниматься с детьми в дом барона.

И дедушка тоже все уши прожужжал нам, детям, о том, что он из знатной семьи. Когда мы спрашивали, почему он так думает, он рассказывал, что узнал об этом, отнеся в ломбард меч, который хранил как семейную реликвию. Меч оказался чуть ли не национальным достоянием. То есть

¹ Эпоха Мэйдзи – 1867–1912 гг.

отец мамыши, пытаясь сдать в скупку свое фамильное оружие, едва не был арестован за то, что якобы этот меч где-то украл. В общем, целое дело состряпали, и он часто нам об этом рассказывал.

Уже потом я узнал о том, что дедушку мамыши в младенчестве подбросили к дому сельского старосты в деревне Сакура где-то в 60-е годы XIX века, в период бакумацу¹. Он был одет в красивое кимоно, а рядом вроде лежала золотая монета кобан² и меч. И если этот меч оказался национальным достоянием, то можно было предположить, что в жилах дедушки текла кровь вассала сёгуна, сбежавшего из правительственного войска.

Существовало и множество других историй, в которые верилось с трудом. Вроде бы мамыша была сначала замужем за лейтенантом, военным моря-

¹ Бакумацу – это последние годы правления клана сёгунов Токугава (1853–1867 гг.). Правительство того времени называлось Бакуфу. Само слово «бакумацу» состоит из двух иероглифов: «баку» – часть слова бакуфу и «мацу» – конец, т. е. конец бакуфу.

² Кобан – старинная мелкая золотая монета.

ком, с которым ее свела семья барона. Тогда она и получила фамилию Китано. После смерти лейтенанта ей было велено оставаться Китано, а папаня вошел в семью примаком. В общем, мой старик, похоже, раньше носил другую фамилию. Да еще мамаша без стеснения говорила всем подряд, что он — ее второй муж, поэтому у папаши были причины, чтобы напиваться.

* * *

Под мерное покачивание вагона я думал о том, что давно уже не путешествовал один. Впрочем, ночевать в Каруидзаве я не собирался. Клерки, сидевшие по соседству, сладко спали, посапывая во сне. Выпитое с утра пиво потихоньку «бродило» по моему организму. Я даже мог точно сказать, где оно крутится в этот момент. После того как я разбился на мотоцикле, некоторое время я вообще не пил, поэтому даже от капельки спиртного делался слегка пьяным.

Весна только началась, низкое солнце слепило глаза. Пейзаж за окном покачивался, съезжал куда-то вбок и становился плохо различимым. Я прищуривал глаза, отдаваясь ритму мча-

щегося поезда, и на меня снова нахлынули воспоминания.

...Сушеный кальмар под пиво казался мне необычайно вкусным. Но с едой в нашей семье постоянно были какие-то заморочки. Мамаша все время выдумывала какую-то глупость типа: «в семье барона были очень разборчивы в еде» и пыталась воспитать детей в таком аристократическом духе. Дешевые сласти, например, есть запрещалось, и покупала она только то, что в семье барона считалось полезным для здоровья. Сушеный кальмар исключался полностью.

Как бы там ни было, выражать недовольство по поводу еды никому не дозволялось. Поверьте мне, напряжение, которое все чувствовали во время обеда, было просто невыносимым. Пища с трудом пролезала в глотку. Все домоладцы сидели уткнувшись взглядами в тарелки и сосредоточившись на еде.

Бывало, скажешь: «Сегодня опять крокеты?», и в ту же секунду она тебе: «Так, не будешь жрать?! И не надо!» В следующую секунду крокеты исчезают со стола. Она никогда не говорила: «Это полезно для здоровья, съешь, пожалуйста».

Можно было попытаться вернуть крокеты, лепеча: «Да нет, я... я только

хотел спросить...», но в ответ звучало: «Жрать ведь все равно не будешь! Ну и не надо, не очень-то и хотелось. Чтоб ты сдох!»

Этим все разговоры и заканчивались.

В худшем случае до следующего дня никакой еды на стол не ставилось. Поэтому со второго раза приходилось молча лопать что дают... Все братья делали то же самое. Я и представить себе не мог, что когда-нибудь времена изменятся, и я смогу свободно есть сушеного кальмара.

Что характерно, деньги на покупку энциклопедии у мамыши находились, а на еду она не очень-то тратилась. Это была какая-то ее особая стратегия. Но чтобы заработать на энциклопедию, она готова была делать что угодно.

Жена плотника, жившая в доме напротив, часто находила себе приработок. Муж ее был не десятником, а простым ремесленником, поэтому денег у них не имелось так же, как у нас, и жены дружили. Так вот эта тетенька умела выискать дело, «на котором можно заработать». То она приносила заказ на изготовление искусственных цветов, то они вместе с мамашей вертели клецки в виде цветов для магазинчика Нисии Дайфу. В общем, если

мамаша слышала слова «можно заработать», то срывалась с места и буквально бежала на звон монет. Чем только она не занималась!

Конечно, она помогала папаше и в малярном деле. Самое противное было — мыть стены щелоком. Это когда приходилось очищать от копоти буддийские храмы или синтоистские святилища. Сначала надо мыть каустической содой, потом щавелевой кислотой, а потом все протирать мокрыми тряпками. Стоило чуть-чуть ошибиться в количестве химикатов, и вся поверхность становилась словно бы посыпанной белым порошком. Это называлось «расцвели содовые цветы», а оттирать их — ох как непросто. Таким делом обычно занималась вся семья.

Может быть оттого, что муж не приносил зарплату в семью, мамаша привыкла постоянно суетиться и все время работать. Без этого она не чувствовала себя спокойной. А папаня только пил беспробудно, поэтому, конечно, у них не «совпадали мнения» по вопросам воспитания детей и всякой прочей белиберде.

Старик мой был хорошим человеком, но, пожалуй, его стоило назвать малодушным. Что бы ни происходило в семье или на работе, он прикладывал-

ся к рюмочке. Когда еще ни у кого из наших соседей не было телевизора, самый старший из моих братьев, пустив в ход все свои связи, договорился о покупке этого чуда техники. В тот день, когда нам должны были привезти телевизор, папаня начал пить с самого утра. И так активно взялся за дело, что к моменту появления долгожданного «ящика» в доме уже лыка не вязал. В голове не укладывается — человек не мог не напиться только оттого, что ему должны были привезти телевизор!

Конечно, мамаша все время выставляла папаню дураком. Хотя, выставляя его дураком, родила ему столько детей, что все-таки, наверное, любовь у них была.

Папаша хотел, чтобы его дети стали ремесленниками. Малярами или штукатурами. А дети один за другим уходили учиться в институты. И папаня все время ворчал на мамашу:

— Какого черта ты заставляешь детей мастерового идти учиться?! Какие у них там будут заработки?

А она огрызалась:

— Сейчас если не окончить институт, не сумеешь прокормить ни себя, ни семью. А вы, простые работяги — полные дураки!

— Сама дура набитая! То-то вы все живете за счет дурака мастерового!

Вот так они и ругались все время.

Всем известно, что у нас в семье три брата — Сигэкадзу, Масару, Такэси — и сестра Ясуко, но на самом деле (я этого не помню, конечно) был еще один брат, вроде бы очень умный. И похоже на то, что он не был сыном Кикудзиро. Скорее всего, он приходился сыном лейтенанту военно-морского флота, с которым мамашу «разлучила смерть».

Сколько раз мне доводилось слышать, каким он был талантливый! Его фотография стояла на домашнем буддийском алтаре, и мамаша каждый раз, зажигая курительные палочки, твердила мне: «Такэси, посмотри, какого умницу родила твоя мамочка! Это ваш самый старший брат. Вот уж у кого была голова!» В этих словах так и слышалось: «А вы все, дети Кикудзиро — полные идиоты». И это ужасно обижало.

«Бедняки без образования ничего собой не представляют», — это был главный курс мамаша, которого она придерживалась в воспитании детей. Возможно, он втемяшился ей в голову из-за той сложной ситуации, что она родила детей от разных отцов.

Все братья, кроме меня, в принципе

оправдали ее надежды. Самый старший брат, Сигэкадзу, вообще был выше всяких похвал. Денег на дневное обучение у него не хватало, поэтому он учился в вечернем институте, бегал на краткосрочные курсы английского языка в Аояма, а потом еще ухитрялся преподавать в старших классах школы в районе Хидзирибаси. И это еще не все. Он учился потом и на политехническом факультете университета Тиба, и в Токийском политехническом институте. Я знаю, что у него есть целая куча патентов на изобретение.

Если не принимать во внимание все усилия мамыши, то именно самый старший брат работал на семью и за родителей тоже, поэтому во многом благодаря ему младшие братья смогли, как говорится, проникнуть в стены высших учебных заведений.

* * *

Казалось, прошло совсем немного времени, а поезд уже прибыл в Такасаки. Пассажиры, напоминающие средней руки чиновников, торопливо вышли из вагона, а на их места с шумом начали рассаживаться тетушки средних лет. Да уж, похоже, сегодня у домохо-

заяк появилось много свободного времени. Разве не здорово – мужья вкалывают, а они разъезжают по курортам как туристки.

Как сильно все это отличается от жизни моей семьи! Мне кажется, когда я был маленьким, мать работала без отдыха, а я все время сидел у нее на спине, крепко привязанный, чтобы не упасть. Если покопаться в памяти (хотя помню я не очень много), то вспоминается, как мать через плечо спрашивала: «Ты чей ребенок?» А я ей отвечал: «Я – ребенок американца». Почему я так говорил, и откуда взялся этот «ребенок американца», до сих пор понять не могу. Но кого бы из братьев я потом об этом ни спрашивал, все утверждали, что я именно так себя называл.

Рассказывают, что поэтому все тетушки по соседству называли меня «Америка-сан». Мне и самому это кажется странным. Хотя, может быть, мамаша или кто-то из соседок постоянно пел мне колыбельную о том, как прекрасна Америка. Это, наверное, мне и запомнилось.

Когда я, самый младший сын в семье, появился на свет, мои родители были уже достаточно почтенного возраста. Они вряд ли отдавали себе в этом отчет, но, вне всякого сомнения,

оба меня баловали.

Пока я учился в начальной школе, со мной нянчилась бабушка. Это была мать папаша. Она когда-то преподавала женское «гидаю»¹, и, возвращаясь домой, я частенько издали слышал звуки сямисэна².

Дом наш состоял из двух комнат и кухни. Папаня обычно спал на полу в кухне. Мамаша, братья, сестра и я спали в одной комнате, расстилая на полу два матраса на всех.

Зимой меня отправляли спать раньше всех. Потом все по очереди, говоря «ох, как хорошо!», забирались под одеяло. Я исполнял роль живой «грелки».

А вот бабушка проживала одна в комнате, находившейся сбоку от кухни. По слухам, в свое время она была любовницей какого-то важного человека, но потом они расстались. Да и постарела она с тех пор сильно, и мамаша забрала ее к нам жить.

Из-за такой предыстории у них не было отношений вроде «теща – невестка», которые обычно не ладят меж-

¹ Гидаю – вид традиционного драматического сказа, исполняемого нараспев.

² Сямисэн – традиционный японский трехструнный щипковый инструмент.

ду собой. Наоборот, бабушка плохо уживалась с папаней. При этом она всегда полностью поддерживала мамашу. Бабушка все время говорила: «Укладывайтесь спать, пока этот дурак не явился!», и мы ложились в постель пораньше. Поэтому когда папаня приходил, ему было не с кем словом перемолвиться, и бурча себе что-то под нос, он в одиночестве устраивался спать на кухне.

Сейчас мне говорят: «Вам надо реабилитировать отца» или «Ваш отец в глазах людей должен быть выдающимся человеком», но в моем прошлом не было идиллической семьи, возглавляемой достойным всяческих похвал отцом.

Во всяком случае главенствующую роль в семье играли женщины, обладавшие более сильным характером. И бабушка, и мамаша все время сквернословили. Сейчас, думая о прошлом, я понимаю, что во мне течет их кровь, и все более ощущаю родство с ними. Но тогда мне казалось, что я гораздо ближе к отцу. Когда я слышал, что мамаша в чем-то его упрекает и раздувается от злости, я думал: «Опять папаня влетело, вот бедняга!» и очень ему сочувствовал.

Мои приятели тоже попадались на ядовитый язычок мамаша. Когда кто-то

из друзей звал меня: «Эй, Китано! Пойдем погуляем!», она обязательно останавливала его и говорила: «Если будешь водиться с моим дурачком, тебе тоже будет плохо. Сойдешь с катушек и тоже станешь дураком, как мой пацан. Уходи отсюда!» И отправляла его домой насильно да еще приговаривала: «И не смей сюда больше являться! Дурь передается как болезнь!»

И мне при этом заявляла: «Слышишь, ты! Не смей водиться с этим дураком! У него с головой не все в порядке!»

* * *

Или моя дурь все-таки кому-то передалась, или я ни от кого не подхватил заразу глупости, но, какое-то время поболтавшись без дела после школы, я поступил в институт. И как я уже рассказывал раньше, проучился всего два года и бросил. Причина была в том, что до этого я все время проигрывал в битвах с мамашей, а тут решил — именно сейчас надо одержать победу. Решение-то я принял, но давило это на меня ужасно. Бросить институт — вполне вероятно означало окончательный разрыв всяческих отношений с

мамашей. И в дальнейшем прощание со всей предыдущей жизнью. То есть я чувствовал, что хочешь не хочешь, а мне придется вступить в новый, неизвестный и неупорядоченный мир.

Мне казалось, что голова моя идет кругом, и вообще у меня было какое-то странное нервное состояние. Иногда мне чудилось, что я испытываю ощущение боли, словно при рождении младенца, чувство, которое мужчине узнать не дано.

В то время я работал официантом в джазовом кафе «Вилледж гейт» в районе Синдзюку. Кроме меня там было много парней, которые постоянно ходили с мрачными лицами. Говорили, что там одно время подрабатывал серийный маньяк-убийца Нагаяма Норио (правда, мне не пришлось с ним встретиться). Может, если бы в моей жизни что-нибудь сложилось по-другому, я тоже совершил бы какое-нибудь преступление. Времена были такие, что я часто чувствовал себя загнанным в угол.

Может быть, наполовину от отчаяния я и подал заявление об отчислении из института. В этот момент мне показалось, что все вокруг изменилось. Все как будто заблестело в лучах раннего летнего солнца. Я почувствовал, что

отличаюсь от студентов, которые воду для чая называли «Картье Ратан», рассуждали об экзистенциализме и о Сартре. Меня охватило какое-то невероятное возбуждение от осознания того, что я стал взрослым.

Только по прошествии некоторого времени я принял решение стать артистом и поехал в Асакусу. В этом месте всегда возникало чувство, что время остановилось, и именно там можно было по традиции постучать по дереву ворот Фуками, чтобы твое желание исполнилось.

Может показаться странным, но после того как я бросил учебу, у меня появилось необъяснимое чувство уверенности в себе. И когда я бедствовал, играя в труппе «Фурансу дза» в Асакусе, меня это совсем не расстраивало, потому что я набрался храбрости уйти из института. Это говорит и о том, какое огромное значение в то время имело высшее образование.

В каком-то смысле я, пожалуй, избавился от проклятия мамы. Но битва с ней, которая, как мне казалось в то время, должна была закончиться с уходом из института, на самом деле вовсе не завершилась. Тогда только прозвучал сигнал, возвестивший о начале последней схватки.

На станции Ёкогава я купил бэнто в горшочке «камамэси»¹. Когда мы начали работать в паре с Битом Киёси и назывались «Два Бита», то, мотаясь на гастролях, часто приезжали в эти места. Но гонорар у нас был такой маленький, что денег на покупку завтраков не хватало. Окна в поезде тогда открывались, и каждый раз, когда дедок, продававший бэнто, стучал в окошко, наши голодные желудки начинали жалобно урчать.

Но как бы я ни бедствовал, мне и в голову не приходило идти плакаться к мамаше. Я бросил учебу, ушел из общежития, ночевал то у одного приятеля, то у другого, но ни разу за все это время не зашел домой. И с братьями тоже не встречался.

¹ Бэнто — готовый завтрак или набор еды, который берут из дому либо покупают. В его состав входит белый рис с рыбой, мясом, соленьями и др., все упаковывается в пластиковую или деревянную коробку. Камамэси — дословно «рис в горшке», в отличие от обычного бэнто этот вид упаковывается в глиняные горшочки. Их можно купить только на некоторых железнодорожных станциях.

Может, во мне внезапно взыграла кровь бабушки, которая была в молодости певицей-рассказчицей притч в театре «Гидаю» – не знаю. В общем, я принял решение стать артистом и поехал в Асакусу наниматься на работу в труппу, и тогда мне казалось, что я обойдусь без помощи родных.

Но потом мне сказали, что мамаша знала и про уход из института, и про то, что я начал играть в труппе «Фурансу дза». Я удивился еще больше, когда узнал – ей было известно и о том, что я сбежал на какое-то время из театра в Асакусе и подрабатывал в мебельном магазине в Сайтама. Но на этот раз она не стала вмешиваться в мои дела.

Я окончательно ушел из «Фурансу дза», и вместе с Киёси мы образовали комический дуэт «Два Бита». Конечно, очень здорово получить возможность выступать в театре «Сётику», однако работы у нас практически не было. Гонорар составлял тысячу пятьсот иен в день, но мы делили его на двоих, так что я получал семьсот пятьдесят иен. И рассчитывать можно было максимум на десять дней выступлений подряд. По сравнению с работой в «Фурансу дза» настали очень тяжелые времена.

И вот в какой-то из дней стою я себе на сцене в театре и вдруг вижу в зале знакомое лицо. Один из бывших моих соседей случайно зашел посмотреть представление.

Когда наше выступление закончилось, он пришел за кулисы. И говорит: «Такэ-тян! Ну и удивился же я, когда тебя на сцене увидел!» Слово за слово, и вдруг он спрашивает, вижу ли я с мамашей. Я говорю, что нет, не вижу. А он мне: «Слушай, приезжай домой! Она все равно знает, что ты в комики подался. Да и слухи разные ходят...»

Вот после этого я и приехал домой. Вернулся в «родные пенаты» после пяти лет разлуки, а может, и больше. Набрал побольше воздуха в легкие, открыл дверь родного дома и громко сказал:

— Я вернулся!

И тут же, прямо с порога, понеслось:

— Немедленно уходи с этой работы! Ишь ты, в артисты он подался! Мало мне бабули!

Мамаша как только меня увидела, так сразу и раскричалась, да еще с такой злобой!

— Откуда в нашей родне эта кровь артистическая взялась? Да еще и в тебе,

видишь ли, течет! Бросай ты это дело, все равно не станешь знаменитым! Если пойдешь снова учиться, денег дам. Давай возвращайся!

— Ни за что! Не буду я учиться, — отвечаю я.

А она мне снова:

— Ну почему ты всегда такой упрямый?!

От нашей встречи она вовсе не расстрогалась. И кричала, и злилась, и все время сверлила меня взглядом. Вот так и прошло все время, проведенное мной в родном доме. Встретившись с мамашей, мы тут же вернулись к привычным взаимоотношениям «мать—сын». И мне оставалось только бормотать: «Да ладно, брось, чего ты злишься?!» А что еще говорить, я ведь пустил псу под хвост все, что она сделала для меня — и за учебу платила, и квартиру мне снимала. Пока она читала мне проповеди, я припомнил все свои грехи.

Но с другой стороны, это было впервые, когда я по-настоящему ощутил свою вину перед ней и почувствовал себя равным мамаше. Когда я полностью избавился от мамашиной опеки, то осознал это самое «равенство». Хотя у меня не появилось желания бить себя в грудь и просить прощения... Наоборот, я решил доказать ей, что

способен на многое. А значит, нужно было стать знаменитым, только и всего! При этом мне не приходило в голову, что я стану делать, если мой амбициозный план провалится.

Сейчас-то я могу об этом рассуждать. Если бы я не прославился, то уж точно не ел бы сегодня «камамэси». Не было бы ни пива, ни первого класса в поезде. И вряд ли бы я поехал навещать мамашу в больницу. Наверное, играл бы в каком-нибудь захолустном театрикe и совсем бросил общаться с семьей. Может быть, я вернулся тогда домой, поскольку почувствовал, что уже завоевал некую популярность и начал строить планы на будущее. А ведь я помню многих своих собратьев, которые выступали в стрип-барах, рассказывали анекдоты в промежутках между танцами, но так и не смогли прославиться. И до сих пор не кажут носа в родной дом.

Когда меня наконец стали приглашать на телевидение и зарплата моя перевалила за миллион иен, что-то кольнуло у меня в груди, и я снова решил съездить домой. И начал волноваться, еще только взяв в руки трубку, чтобы позвонить родителям.

К телефону подошла мамаша. И говорит:

— Вроде ты на телевидении выступаешь. Зарабатываешь-то хоть прилично?

Мне слышалась в ее словах какая-то забота, я и ответил:

— Да вроде ничего, на жизнь хватает.

А она мне тут же и заявляет:

— Подкинь мне денег на расходы.

То есть сразу клянчить начала! Ну просто несчастье какое-то, а не мать родная!

Я-то думал поразить ее воображение и приготовил тридцать тысяч иен. Повел в ресторан поесть суси, а потом хотел красиво сделать подарок со словами «мамочка, вот тебе от меня...». А она выхватила конверт и в лоб спросила, сколько там. Я, раздуваясь от гордости, говорю — триста тысяч. А она мне в ответ, да еще с обычной злобой:

— И только-то?! Из-за каких-то трехсот тысяч такую важную рожу корчишь, смех один!

И что мне прикажете делать? Я дал себе слово, что рассорился с ней окончательно, и что после этого раза ноги моей в родительском доме больше не будет!

Однако на свою беду я оставил мамаше номер телефона. После этого ре-

гулярно, раз в два-три месяца, в моей квартире раздавался звонок. И это всегда было требование денег...

— У меня кончились деньги... Дай мне денег...

Мне было печально это слышать, поскольку я не мог смириться с тем, что мамаша хотела от меня только денег и ничего больше. Но я думал: она же меня родила и воспитала, и я отдаю ей долги. И потом мне казалось, что человек, настрадавшись от бедности, должен ценить деньги так же, как и жизнь.

И в благодарность за все это, когда я попал в полицию, она говорила: «Пусть ему вынесут смертный приговор», а когда разбился в аварии: «Чтоб ты сдох!» Не язык у нее, а просто жало ядовитой змеи! От кого, от кого, а от собственной матери слышать такое было невыносимо. Я страшно обижался, звонил мамаше, а она говорила:

— Если я тебя не буду ругать, ты не будешь злиться и не будешь выглядеть естественно перед публикой.

У нее вечно находились какие-то убедительные доводы. Мне так и не удалось понять, говорила ли она это, думая обо мне с любовью или же считая, что сын Кикудзиро может быть только дураком.

При этом за моей спиной она все время обо мне хлопотала. Когда я стал работать с продюсерской компанией «Ота продакшн», мамаша ездила их благодарить. Это меня совсем запутало. А когда я ушел от них и стал работать самостоятельно, она, как я узнал потом, ездила к ним извиняться, говоря: «Не держите на него зла. Вы же знаете, в жизни всякое бывает».

Мамаша смотрела все мои выступления по телевидению, а потом звонила мне и говорила с интонациями заправского критика:

— Ну какую ты чушь все время несешь! «Убей бабушку» — что за бред! Все соседки сердятся, мол, мелет всякую ерунду. Когда же, наконец, ты станешь рассказывать что-нибудь приличное?

Я думал: «Давай, говори что хочешь! Неужели и в таком возрасте, думая о матери, я по-прежнему не могу разобраться в собственных чувствах? Неужели наше сражение еще не закончено?»

В конце концов я начал сильно нервничать. Мне казалось, что жизнь моя — это просто какой-то танец марионетки на ниточках, а за ниточки дергает мамаша.

— Эх, надо выпить еще пивка! — сказал я себе.

Но когда открыл новую банку, пена с шипением рванулась наружу и забрызгала мне лицо. Мне показалось, что это мамаша шипит от злости.

* * *

Пока я вытирал лицо, поезд проехал тоннель Усуи тогэ, и вся местность, открывшаяся моему взгляду, вдруг заблестела, словно засыпанная серебряной снежной пудрой. Распогодилось, стало свежо и морозно. Зря я пил такое холодное пиво. Ведь я уже не молод. Если выпью слишком много, потом только и буду в туалет бегать.

И матери уже девяносто два. Тут уж просто так не скажешь: «Постарела». И слух у нее испортился, а тут еще и остеопороз.

И по телефону только и слышишь от нее: «Чего? Не понимаю! Повтори!» Оттого, что не слышит, она еще больше нервничает и злится: «Ни черта не понимаю. Дурак!»

На самом деле сердится мамаша на саму себя. Сестра рассказывала, как мамаша швырнула слуховой аппарат со словами «как эта гадость мешает!» И палку бросила тоже, потому что «гадость». Правда, потом, пошатываясь и

постанывая, пошла ее поднимать. Я представил эту сценку, засмеялся и долго не мог остановиться.

Очки она тоже, похоже, не любит. Тоже кричит «какая гадость» и выкидывает.

Что значит «стареть»? В последнее время меня тоже многое раздражает. Когда читаю и становится плохо видно, надеваю очки. Но когда понимаю, что читаю в очках, что-то словно щелкает в голове: «С чего вдруг со мной это происходит?»

Мамаша, кстати, не любит стариков... Постоянно говорит о них всякие гадости типа:

— Глядеть противно! Что за развалина, еле ползет и шатается! Эта долго не протянет!

Невольно приходит в голову мысль: «А про себя подумала? Тебе тоже не сто лет жить!»

— Бабуля, что там стоит, совсем плоха. Заговаривается, не помнит, о чем говорила.

Но, может, мамаша все это говорит, чтобы взбодрить себя?

Станцию Каруидзава, куда я наконец-то приехал, ремонтировали, и там стоял страшный шум. Все вокруг было затянута грязноватой пленкой. Впечатление об изысканном курорте, в

одной из церквей которого хотелось бы совершить свадебный обряд, испарилось как дым. К тому же машина, которая должна была встретить меня на привокзальной площади, отсутствовала напрочь.

Кстати, о каком это обряде я рассуждаю? И свадьбы-то у меня никакой не было, и я даже не припомню, чтобы мы ходили в мэрию. Просто в какой-то день жена сходила с моей печатью в управу, подписала бумагу, и так мы официально стали супругами.

Пожалуй, единственным «праздничным» мероприятием стал визит моей жены к мамаше. Когда она вернулась, то чувствовала себя немного не в своей тарелке от огромного количества проповедей, выпавших на ее долю.

— Ты должна вести себя как подobaет! А что у вас с деньгами? Смотри, он — артист, обязательно останется без работы, так что деньги копи и не транжирь, поняла? И у меня не вздумай просить, все равно денег нет ни гроша...

И так далее, и тому подобное... А напоследок мамаша объявила:

— Каждый месяц будешь присылать мне 10 000 иен, поняла?!

Конечно, с таким мужем, как у мамыши, это было естественно, но, видимо, она считала, что мужчинами все-

гда надо манипулировать. В голове у нее засела только одна мысль: женщина должна вертеть мужем, чтобы сохранить семью. Поэтому и мою жену она учила, как надо правильно мною управлять.

Мамаша постоянно твердила, что у меня масса женщин и сплошные проблемы, звонила жене и говорила:

— Ты уж прости меня, но этот дурень все время делает глупости. Но ты не вздумай просто так от него уходить. Все, что можешь взять, бери обязательно!

Конечно, если у жены такой «учитель», у мужа никаких шансов на победу. А уж женщины всегда заодно.

Но как только в газетах начали судачить о том, что я, похоже, развожусь, мамаша сразу же позвонила мне:

— Дурень ты этакий! Ты что, заставляешь жену плакать? Это тебе даром не пройдет! Прекрати ее мучить да поезжай за ней сейчас же! Знаешь ведь, один раз разведешься, потом только и станешь разводиться все время. Это уже будет привычным делом. Развлекайся лучше по-тихому, понял?

А как-то в другой раз позвонила жене со словами: «Не волнуйся, все что нужно, я с ним обсудила» и успокаивала ее как могла. И если мы ссорились, жена обязательно убегала к

мамаше. И уж тогда вдвоем они ругали меня так, что на благополучный исход конфликта надеяться не стоило.

Когда брат перестраивал дом, я сказал ему, что не стоит поселять мамашу в проходной комнате, ей будет неудобно. Он решил проявить заботу и отвел для нее комнату на втором этаже, тихую и солнечную. И что, как вы думаете, сказала эта мерзкая старуха? «Сделали из меня отщепенку какую-то, поселили в самой дальней комнате!» И твердила это не останавливаясь. Поэтому выделили ей комнату на первом этаже, прямо рядом с входной дверью. Так что когда кто-то приходил и здоровался, мамаша тут же появлялась с неизменным «добро пожаловать» и зеленым чаем для гостя.

Вроде бы все устроилось отлично, но очень скоро она мне позвонила:

— Ты не представляешь, Такэси! Масару, этот бездельник, засунул меня буквально в проходной двор, а не в комнату. Кто бы ни пришел, я и встречать должна, и чай подавать, и беседами развлекать, прямо с ума схожу!

Мне иногда даже кажется, что у мамыши стало плохо со зрением и слухом, и ноги плоховато ходят, но зато злословить она научилась еще более изощренно...

Сына старшего брата зовут Хидэ, так вот этому самому Хидэ мамаша заявила:

— Слушай, Хидэ, поступай-ка в институт. Поступишь, я тебе машину подарю. А деньги у того дурака выманю. Ты понял, какая я хорошая бабушка?!

«Тот дурак», о котором она так грубо говорила, это я, конечно.

С каждым годом мамаша становилась все более злобной, но, может, это от одиночества? И в больницу в Каруидзаве ее отправили для того, чтобы в доме для престарелых она завела себе друзей. Когда тебе столько лет, друзья молодости один за другим болеют и умирают, и ты остаешься совсем один.

Сестра рассказывала, что у мамыши появилась приятельница, с которой они хорошо ладили. И вроде новая подруга из Нагано, из какой-то известной семьи. Так что теперь каждому, кто приходит ее навестить, мамаша твердит:

— Она совсем из другой семьи. Очень приличная женщина. А с каким достоинством держится!

Или вот такое высказывание:

— Она очень приличная женщина, и нам есть о чем поговорить. Совсем не похожа на местных бабулек. Она из очень известной семьи.

Все это смешно, но она так воспринимает окружающих. С другой стороны, это значит, что у нее по-прежнему есть комплексы, но, может быть, в этом и кроется секрет долголетия.

* * *

Я так долго ждал на привокзальной площади, что устал и начал думать — еще чуть-чуть, и я превращусь в ледяную статую. Тут наконец и сестра появилась. Я начал ей выговаривать, а она мне: «Я и на пять минут не опоздала». Я ей говорю: «Как ты похожа на мать, совсем не обращаешь внимания на мелочи!» В общем, посмеялись вместе. Сестра сказала, что больница совсем не далеко, минут пять пешком, и мы пошли рядышком, разговаривая о матери:

— Она все твердит: мне, мол, недолго осталось.

— Да не может быть. Эта старушка всегда себе на уме.

— Но на этот раз она настроена серьезно, и тебя очень хотела повидать. А вот это мама просила тебе передать, когда ты будешь уходить. Что уж там, я не знаю...

И сестра отдала мне какую-то странную сумочку со словами:

— Просила передать тебе перед уходом, как будто сама не может отдать. Правда, странно?

— Может уже раздает вещи на память перед кончиной?

— Ты что, Такэси? Что ты за ерунду мелешь?! — И сестра заехала мне по лбу просто с нечеловеческой силой, словно дух мамыши в нее вселился.

В больнице о нас позаботились и приготовили отдельную комнату для свиданий. Сказали, мол, в палате лежат другие бабушки, они не дадут вам спокойно поговорить с матерью.

Сестра пояснила мне, что когда мамаше надо выйти из палаты, ее возит медсестра на коляске. Но сегодня перед самой дверью комнаты, в которой мы сидели, мамаша вдруг заявила, что может встать и идти сама. Как медсестра ее ни уговаривала — мол, не стоит, вы только после операции, лучше вам посидеть — все равно она встала и торопливо пошла в комнату.

Когда мамаша увидела нас, то сразу заулыбалась, но тут же протянула руку и спросила:

— Ты привез подарочные сертификаты, что я просила?

Делать нечего, я отсчитал наличные, сколько она сказала, и за портьерой передал ей. Правда, как потом

оказалось, денег у нее не взяли. Вежливо отказались, мол, в больнице свои правила и все такое... А мамаша все твердила: «Могли бы и взять, что тут особенного! В следующий раз принесем фрукты, будем менять стратегию» – и озаботилась этим делом очень серьезно.

Потом попросила меня пойти поздороваться с соседками по палате, прямо за рукав потащила. Я сходил, и мы с сестрой снова вернулись в отведенную для нас комнату, а там она и вопрошает с таким радостным лицом:

– Ну как? Видел бабушку, мою соседку напротив. Ну такая дура, такая дура!

– Зачем же так обзывать?

– Но так и есть! Ей что ни скажешь, ничего не понимает. Та, что ближе к двери, хорошая, а эта – ну полная дура!

И говорит, и говорит, и настроение у нее все улучшается... В общем, полный парад злословия.

* * *

Мы собрались в больнице втроем – мамаша и мы с сестрой. Пожалуй, последний раз мы встречались, когда умер папаня. Он ушел из жизни после дол-

гих лет болезни, последние годы был прикован к постели, и я помню, что нас тогда охватило какое-то странное оживление.

Папаня слег, когда я начал выступать в театре и после того, когда мы с мамашей заключили некое перемирие. И как-то так получилось, что я стал помогать ухаживать за отцом в больнице. Братья работали в фирмах, были заняты каждый день, поэтому мы дежурили в палате по очереди – мамаша, сестра, я и жена старшего брата. По правде говоря, я не хотел туда идти, но члены женской «команды» одна за другой заболели, выбывали из строя, и потом это все-таки был мой родной отец... Мать мне приказала, и у меня не было другого выхода, кроме как подчиниться.

– Такэси, ты должен, ведь ты самый младший! – объявила она мне.

Я пытался сопротивляться, говорил, что у меня выступление в театре, но она говорила, мол, тогда приходи вечером. Делать было нечего, я приходил после восьми вечера и спал рядом с отцовской кроватью до утра. Но каким же холодным оказался больничный пол! Сколько ни стели на него одеял, выспаться невозможно. Потом наступало утро, и я уходил в театр. Все это

повторялось бесконечно, и я просто начал сходить с ума. После бессонной ночи в больнице смешить публику становилось все труднее и труднее.

Когда мне вдруг подвернулась поездка в Нагоя, я вздохнул с облегчением. Ведь это был шанс избавиться от дежурств в больнице! Я сказал мамаше, что мне надо уехать на десять дней в Нагоя, а она с такой обидой говорит: «Ну езжай, чего уж там! Как-нибудь без тебя справимся!»

Они забрали папаню домой. Потом ему стало хуже, и он снова вернулся в больницу. А потом то выписывался, то опять проводил месяц за месяцем под присмотром врачей. Когда его состояние ухудшалось, он ложился в больницу, когда состояние как-то стабилизировалось, он возвращался домой. И так продолжалось до бесконечности.

В один из вечеров мамаша сказала как-то очень проникновенно:

— Знаешь, отец на самом деле может ходить. Вот ведь дурень старый! Он просто духом ослаб и слег. Просто сам так захотел.

Такая жизнь продолжалась долго, и в конце концов папани не стало. Мы были рядом с ним в последнюю минуту его жизни, а потом мамаша как-то сникла.

— Отцу было тяжело, наверное, — шептала она, вытирая его тело.

— Что же ты наделал? — говорила она тихонько, и я подумал, что на самом деле она очень опечалена.

Папаня был пьяницей, часто избивал мать, пинал ее ногами, и она каждый раз плакала. И все же они много лет прожили вместе, значит, между ними была та непонятная любовь, объяснить которую могли бы только они оба. Я много думал об этом, и меня всегда охватывало странное чувство.

После таких сцен мамаша всегда плакала, а бабушка извинялась.

«Прости меня за этого дурака. Мой сынок такой идиот. Может, мне его прикончить?!» — вот такие странные у нее были утешения.

Но при этом мамаша ни разу не пыталась уйти из дома. Хотя нет, один раз она убежала к десятнику красильщиков. Папаня ее избил, и она в слезах выскочила из дома. Спустя какое-то время пришел десятник и начал его нещадно ругать: «Кику, что ты творишь?!»

Десятник в те времена был человеком авторитетным. Он часто мирил людей, многим помогал решать их проблемы. Он даже мог приструнить якудза. После того случая папаша немного присмирел.

...— Такэси, что ты замолчал? Наверное, вспомнил отца-покойника? Он на самом деле был никудышным человеком...

Голос мамыши вернул меня к действительности. Я не собирался провести столько времени в больнице. Январские дни коротки, и за окном уже наступили сумерки. Мамаша, видимо, почувствовала, что я собрался уезжать, и решила, что мне нужно познакомиться со всеми медсестрами. Тут же отправила сиделку, чтобы она привела весь медперсонал.

Мамаша называла каждую по имени, а я слегка кланялся. Эта церемония привела меня в некоторое замешательство. Я с детства не любил такие дурацкие ситуации.

Потом мамаша захотела, чтобы я встретился с лечащим врачом, и я пошел в смотровой кабинет. К счастью, больных там в это время не было, и доктор рассказал мне о ходе ее болезни. По его словам, мамаша совсем не так тяжело больна, как ей кажется. И вообще, для ее возраста у нее прекрасно работает голова.

— Еще бы, если у нее язык так здорово работает, то с головой уж точно все в порядке! — пробормотал я себе под нос.

Врач еще сказал, что кости у мамы стали очень хрупкими. Лечение, конечно, проводится в полном объеме, но возраст есть возраст, и с этим ничего не поделаешь.

Стоило мне сказать: «Я поехал», как мать схватила меня за руку и прошептала: «Такэ-тян!» — а глаза уже на мокром месте. Но когда я добавил, что обязательно приеду еще, думая этими словами подсластить пилюлю, она вдруг снова стала «железной леди» и заявила, что «вовсе не стоит себя утруждать». Достаточно, мол, появиться один раз, последний.

Да еще добавила:

— Когда ты приедешь в следующий раз, я уже буду называться по-другому. У меня будет уже посмертное имя. Похороны пусть будут в Нагано, а ты можешь приехать, только чтобы зажечь ароматические палочки.

В каждом слове чувствовался ее обычный сильный характер.

Когда мы вместе с сестрой медленно шли под горку, спускаясь к станции, она мне сказала про мамашу:

— Знаешь, это она так перед тобой храбрится, а на самом деле была рада до слез. Вчера вообще был какой-то ужас. Так разволновалась, что не могла заснуть.

Я кивнул в ответ. И сестра продолжила:

— Просто, когда она тебя видит, то всегда становится суровой. А на самом деле она была очень-очень рада.

Мне повезло: когда мы пришли на станцию, как раз подходил поезд.

— Как-нибудь еще приеду. Мамаше передавай привет, — я помахал сестре на прощание.

Купил в киоске пива и быстренько запрыгнул в вагон, который стоял на путях прямо передо мной. На этот раз пассажиров почти не было.

Проехали тоннель, проехали станцию с «камамэси», вдалеке показались огни города Такасаки. И тут я вспомнил: «Постой-ка! А что же в том свертке, который мне отдала сестра по дороге в больницу. Что это за прощальный подарок?»

Врач в больнице говорил, что у нее с головой все в порядке, но я, размышляя о том, какой же подарок на память может содержаться в маленькой грязноватой сумочке, решил: может, мамаша все же потеряла ясность ума? И раздумывая, не может ли там быть набедренная повязка «фундоси», которую носил Кикудзиро, вытащил наружу содержимое.

Бог ты мой! Я просто онемел от изумления. Это была сберкнижка на

мое имя. Я начал переворачивать страницы, и перед глазами замелькали цифры, которые показались мне смутно знакомыми.

... апреля 1976 года – 300 000

... июля 1976 года – 200 000

Все деньги, что я ей отдавал, не тратя ни одной иены, она откладывала на мой счет! Триста тысяч, двести тысяч... Последняя дата – всего месяц назад. Сбоку от даты стоял штамп отделения банка на почте в Каруидзаве. На моем счету было почти десять миллионов.

Огни за стеклом поезда начали двоиться у меня в глазах. Девять шансов из десяти – я должен был выиграть наше сражение с мамашей... но последний ее поступок все окончательно перевернул.

Я вспомнил, что говорили мне братья:

– Мамаша все время беспокоится о тебе, Такэси. Она часто говорит, что никогда не знаешь, когда слава покинет артиста. И вспоминает, как трудно было жить, когда у мужа не стало работы. Если бы не было скопленных денег, то вообще, мол, хоть по миру иди. А Такэси-то, дурак, все деньги, что зарабатывает, тут же и тратит.

Мамаша волновалась, потому что ей казалось, будто моя популярность мо-

жет не сегодня-завтра исчезнуть, развеяться как дым...

Я окончательно растерялся и вытащил новехонькую записную книжку. Почему-то мне вдруг захотелось написать стих хайку, чего я раньше никогда не делал. Ну-ка, первая строчка....

Старый пруд

Завернутый в пластик труп...

И даже в такой момент мне в голову не пришло ничего, кроме плохонькой дешевой шутки! Да уж, мамаша права, наверное я все-таки никудышный парень...

Ох-хо-хо, значит, во мне течет только кровь Кикудзиро! Эта мысль была радостной и неприятной одновременно, я даже не знал, как ее выразить словами. Я засуетился и открыл новую банку пива.

Поблизости находится...
и является... к...

КИКУДЗИРО

Впервые я его увидел, когда перешла во второй класс начальной школы. Наверное, мне...

не помню, чтобы до этого дня услышала от него хотя бы одно слово. Более того, я даже не знала, где он живет.

Его появление оставило неизгладимый след в моей памяти. Вечером он вернулся с работы, а может, с гуляния и заорал...

— Эй, ты! Не спи! Сиди!

Мамышка что-то ответила, дальше слово за слово, и в конце концов он со злости перевернул маленький обеденный столик. В общем, выжила проклятая во всей своей красе и выскочила как цыпленок отец из...

— Повесть является вымыслом автора и не имеет никакого отношения к реально существующим людям.

Впервые лицо своего папаша Кикудзиро я увидел, когда перешел во второй класс начальной школы. Наверное, мне никто не поверит, но я не помню, чтобы до этого дня услышал от него хотя бы одно слово. Более того, я даже не знал, как он выглядит.

Его появление оставило неизгладимый след в моей памяти. Вечером он явился с работы, а может, с гулянки и заорал:

— Эй, ты! Неси сакэ!

Мамаша что-то ответила, дальше слово за слово, и в конце концов он со злости перевернул маленький обеденный столик. В общем, папаша проявил себя во всей своей красе и выглядел как пьяница отец из «манги»,

именно это и было первое мое воспоминание, связанное с ним.

До этого он представлялся мне каким-то загадочным чудовищем. Из тех, про кого говорят, что они живут в пещерах или реках, и тетушки ими пугают: мол, нельзя туда ходить, там живет страшилище, которого никто никогда не видел. Поэтому когда я таращил глаза на опрокидывающийся столик, то, помню, подумал: вот оно, чудовище показало свой истинный нрав!

Конечно, еще до того, как пойти в школу, я знал, что моего отца зовут Кикудзиро и что он работает маляром. Но как-то так получалось, что я ни разу не сталкивался с ним лицом к лицу. Когда я сейчас размышляю об этом, то понимаю, что баловавшие меня мамаша и бабушка старались не показывать мне отца, который почти каждый божий день являлся домой пьяный и буянил.

Каждый вечер мамаша и бабушка загоняли меня спать очень рано, даже если мне не надо было вставать завтра с самого утра. Если же мне не хотелось спать, они все равно под любым предлогом укладывали меня в постель. Спорить было невозможно, я уходил в соседнюю комнату, и когда забирался под одеяло, слышал

шум, возвещавший о приходе папаши. Через какое-то время раздавались звуки ударов, плач мамыши, потом истошные крики бабушки: «Прекрати! Что ты делаешь!» Она изо всех сил пыталась остановить скандал, и в конце концов папаша злобно орал: «Отстань, мерзкая баба!»... Такие сцены разыгрывались очень часто.

Моя семья состояла из мамыши, бабушки, двух старших братьев и старшей сестры. И все эти люди жили скученно в тесном маленьком домике из трех комнат, одна из которых еще и использовалась как кухня. Как бы папаша ни скандалил, но стоило только появиться старшему брату, он тут же скрывался в задней комнате. Старший брат, в отличие от меня, и учился здорово, и работал успешно, поэтому отец при нем рта не открывал.

И вот в этот маленький домишко я притащил пса. Какой тут начался переполох! Пес был дворнягой, его отдала мне и попросила приютить старушка, торговавшая соленым печеньем «сэмбэй» в лавочке по соседству с нами. Сначала мамыша заявила, что она категорически против. Она все твердила: «Отец обязательно сделает какую-нибудь гадость, так что пойд и выкинь его!», — и ни за что не разре-

шала оставить пса. Наверное, мамаша думала, что раз отец не любит всякую живность, то вряд ли из этого может получиться что-нибудь путное.

Делать было нечего — я отвел пса на ближайший пустырь и там бросил. Но через какое-то время снова обнаружил его перед нашим домом. Я буквально влюбился в этого пса, я так хотел держать его при себе, заботиться о нем, но мамаша была непреклонна. Она повторяла одно и то же: «Отведи его подальше и брось там».

Я прикидывал и так и эдак, но в конце концов придумал вот что. Ушел с псом далеко, долго отсутствовал, а потом вернулся вместе с ним. И сказал мамаше:

— Мам, это хороший пес! Я заблудился, но пошел за ним и быстро дошел до дома.

Мамаша засмеялась и со словами: «Действительно, хороший пес. Так и быть, можешь его оставить» разрешила держать пса в доме.

Если вдуматься, это был первый в моей жизни розыгрыш.

В общем, пес стал жить в уголочке прихожей, но, как и предполагалось, папаша его невзлюбил. С первого же вечера пес принялся лаем сообщать о приходе выпившего хозяина. Как толь-

ко приближалось время его возвращения и все члены семьи выстраивались по стойке «смирно», раздавалось короткое, но веское «Тяв!» Пьяный папаша обязательно пинал пса, вертевшегося у него под ногами. Мамаша начинала твердить: «Ложитесь пораньше спать, он опять напился» и уводила всех в соседнюю комнату. Собачий лай был словно сигнал воздушной тревоги.

Все это продолжалось около месяца, но однажды вечером вместо собачьего тявканья раздался громкий лай, а затем истошный вопль отца:

– Скотина! Что ты делаешь?!

Короче говоря, пес разозлился и вцепился папаше в ногу. Папаша бушевал и орал:

– Я не позволю всякой твари кусать хозяина! Я его прибью!

Но когда мамаша пригрозила, мол, убьешь живое существо – бог тебя накажет, он затих. Но тут же начал стонать: «Больно, больно»... И вошел в дом, волоча ногу. Выглядел он при этом полным болваном. Я и сестра лежали, накрывшись одеялами, и пытались заснуть, но ничего не получалось. Мы еле-еле сдерживали смех.

Тогда я впервые понял основу юмора – когда спотыкается и падает какой-нибудь очень важный человек,

над ним смеются больше всего. Вся наша семья сначала затихла, и до того момента, когда раздался громкий смех, мне показалось, что во всем мире на мгновение воцарилась какая-то странная тишина. Чувство, которое я тогда испытал, возможно, и сделало из меня юмориста.

После всего этого переполоха пес, как только видел отца, начинал искать, куда спрятаться. Видимо, так он выражал раскаяние в своем плохом поступке.

* * *

Рассказывая про пса, я вспомнил, что мать дала отцу прозвище «Туз». Папаша любил парикмахерские и часто ходил стричься, даже тогда, когда волосы у него не особенно отрастали. Кажется, стрижка стоила тогда дешево, как плоская китайской лапши «рамэн», иен тридцать. Возвращался папаша из парикмахерской с блестящими волосами, напомаженный до сияния. Когда это «сияние» приближалось к дому, мамаша обычно говорила «Наш парень Туз вернулся». Тузом звали пса, которого держали наши соседи. Он был черный-пречерный,

шерсть блестела, и туловище его всегда словно бы искрилось на солнце. Вот этот самый блеск очень напоминал сверкание намаженной папашинной головы, когда тот, довольный собой, возвращался из парикмахерской.

Мамаша все время называла папашу «Тузом» и часто ворчала, чего это, мол, он так важничает, а голова-то у него на собачью похожа.

Однажды папаша вернулся после стрижки с лицом, залитым кровью. В то время услуги в парикмахерских были очень дешевыми, и, может, поэтому в них всегда толпилось полно народа. В парикмахерской, куда папаша ходил постоянно, хозяин был одновременно и мастером, и к вечеру он так уставал, что стричься у него становилось опасным для жизни. Наверное, в этот день папаша заглянул к нему как раз в такое время. Когда он вернулся домой с криками «ох, как больно!», по щекам и подбородку у него текли тонкие струйки крови, и лицо было словно полосками разрисовано. Мамаша спросила, что случилось, а он ей в ответ:

— Да парикмахер, паразит, начал меня брить, да заснул, наверное. Вот, смотри что вышло!

Папаша так расстроился, что едва не плакал.

Мамаша разозлилась и говорит:

– Ты что же, так и молчал все время, пока он тебя брил?

А он ей отвечает:

– Ну, его же тоже жалко. Я как скажу, мол, больно, он встрепенется и бреет как следует, а потом снова бритва в сторону скользить начинает. Видно, совсем устал...

Так отец и разгуливал – с лицом, полосатым словно арбуз, и некоторое время он все стонал: «Больно, больно!»

* * *

Пока папаша не напивался, он был очень робким человеком. Я не один раз имел возможность это наблюдать. Зимой мы часто собирались и вместе с соседями разжигали костер. Кто-нибудь выгребал сухую траву и ветки, валявшиеся между домами, и зажигал огонь, а потом соседи сами собой собирались вокруг него, и начинались разговоры про житье-бытье. Папаше особенно нравилось, когда костер разгорался очень сильно.

Однажды папаша заметил где-то костер и примчался домой. Не успев отдышаться, он потребовал у мамыши

сладкий батат и, зажав в руке несколько картофелин, убежал обратно к костру. Потом, выждав момент, когда его никто не видел, подложил картофелины в костер и вернулся домой дожидаться, пока батат испечется. Все это время он то бурчал под нос: «Наверно, еще не испекся», то поглядывал на часы, в общем, никак не мог успокоиться. Наконец со словами: «Ну все, уже сорок минут прошло. Пожалуй, уже достаточно» встал, позвал меня с собой, и мы отправились к костру.

Но сколько мы ни ворошили угли костра, вожделенного батата там не обнаруживалось. Перетряхнули несколько раз обгоревшие листья, но так ничего и не нашли. Папаша робко огляделся вокруг и обнаружил крестьянина, жившего по соседству, который за обе щеки уплетал картошку. Ел, причмокивая, было видно, что очень вкусно.

Папаша какое-то время пристально смотрел на него, но, так и не сказав ни слова, вернулся домой. Он не смог выдать из себя: «Это моя картошка». Зато когда пришли домой, начался скандал. Он орал: «Этот мерзавец сожрал мой батат!», топал ногами от досады на «паразита-крестья-

янина». Мне, ребенку, и то было стыдно за него.

Один раз, когда я учился в начальной школе, папаша приходил на открытый урок для родителей. Мама моя представляла собой типичную «кёйку мама», то есть мое образование было главной целью ее жизни, поэтому она всегда ходила на такие открытые уроки. Но именно в этот день ей пришлось отправиться на похороны к кому-то из знакомых, и было решено, что пойдет отец. Но в тот момент, когда она сказала папаше: «Ты уж извини, но сходи за меня», его словно парализовало. Он все твердил: «Не хочу! Чего это я попрусь в такое место!» и сопротивлялся изо всех сил. Я всегда подозревал, что папаша вряд ли закончил хотя бы начальную школу, поэтому школа как таковая по каким-то причинам пугала его.

В общем, мама моя его уговорила, и решили на том, что он все-таки отправится туда. Но в тот день с утра, еще когда я только выходил из дома, он достал большую бутылку сакэ и принялся подливать и подливать себе в стакан. И вот так, основательно набравшись, он явился в класс.

Представьте себе — входит мужчина в рабочей куртке, заляпанной крас-

кой, с надписью «Китано», в галифе, заправленных в высокие матерчатые тапки «таби» на резиновой подошве, эдакий работяга, ноги у которого заплетаются. Все на минуту затаили дыхание, атмосфера создавалась очень странная. Как будто на бейсбольном матче все замерли перед седьмым, решающим броском. От папаши же еще и вовсе благоухало сакэ.

Учитель начал спрашивать нас и говорит:

— Кто знает ответ на этот вопрос, поднимите руку.

И тут сзади раздается звенящий от злости голос папаши:

— Быстро поднимай руку, придурок!

Я только и успел подумать: «Проваливай домой, пьяница несчастный», а он уже привязался к чьей-то матери, сидевшей рядом с ним. Да как накинет-ся на нее:

— Ты чего уставилась, бессовестная!

Наверное, эта тетенька настолько удивилась, что не смогла и рта открыть. А папаша все не утихал:

— Ишь, разоделась, сидит, важничает, глаза бесстыжие! Да тебе здесь не место, паскуда эдакая!

Из него просто потоком лились слова, которые нельзя пропускать мимо ушей. Учитель уже не мог больше это-

го терпеть и подошел, чтобы его утихомирить.

– Послушайте, вы кто такой?

– Кто я такой?! Я отец Такэси, чтоб тебе пусто было!

Папаша сверлил его взглядом, страдал, наверное, но достаточно было учителю сказать: «Уйдите, пожалуйста» – и слов в ответ уже не нашлось. Папаша еще какое-то время злобился на учителя. Потом бросил прощальную фразу, как в кино: «Ты меня еще вспомнишь, негодяй!» и убрался из класса. А я остался, мне было жутко неловко... Я весь сжался и сидел как на иголках, ждал, когда же наконец прозвонит звонок.

Но на этом вся история не закончилась. Выслушав от меня подробности папашиных походов, мамаша на следующий день пошла в школу с коробкой печенья – извиняться. Классным руководителем у нас тогда был совсем молодой учитель Фудзисаки, только что закончивший институт. То ли он пожалел мамашу, которая ради меня принялась бесконечно кланяться ему в ноги, то ли еще по какой причине, но после этого он стал частенько заглядывать к нам домой. Мамаша всегда ему радовалась, кормила его, ходила с другими матерями к нему до-

мой, стирала, делала уборку. Наверное, ради того, чтобы он ставил мне оценки лучше, она была готова делать что угодно.

Как-то так получилось, что Фудзисаки-сэнсэй после ужинов в нашей семье начал понемногу попивать сакэ, а опьянев, оставался ночевать. Мамаша не только не сердилась, а наоборот, с радостным лицом приносила одеяло и укрывала его. Папаше, похоже, все это не нравилось. Как-то вечером, после того как учитель ушел, он вдруг разбушевался как огонь во время пожара.

— Ты что же это делаешь! Пока меня дома нет, тащишь его домой, да?! У тебя с ним шуры-муры, что ли, паскуда этакая!

Мамаша так удивилась, что даже не стала с ним пререкаться. Но это еще больше подлило масла в огонь, и папаша все кричал с лицом, искаженным злобой:

— Птенчика себе завела!

В то время я еще не понимал, что значит «шуры-муры», и не знал, конечно, что «птенчиком» называли молодого любовника. Поэтому никак не мог взять в толк, на что же папаша так сердится. Я понимал только, что ругают Фудзисаки-сэнсэя.

Короче говоря, характер у папаши был скромный, застенчивый, я бы даже сказал слишком застенчивый, робость одолевала его в самых банальных ситуациях. Никогда он не мог сказать прямо то, что хотел. Но уж если срывался с цепи и начинал бушевать, то остановить его было невозможно. Мне кажется, что на тихих улочках Токио, где я родился и вырос, таких мужчин встречалось немало. Мамаша часто говорила про папашу, что терпеть не могла «этого типа» с первой встречи, что не хотела даже дышать воздухом, который он выдыхал. Однако это не помешало ей родить от него четверых детей. Что это за «ненависть» такая, особая — я никогда не мог понять.

Мамаша, глядя на меня, постоянно приговаривала: «Придет время, поймешь, что в тебе течет папашина кровь, да еще очень сильная. Придет время, она ох как даст о себе знать!»

И ведь правда, оба моих старших брата особо не пьют, характер у них выдержанный, никогда не взрываются, не выходят из себя. А я и курю, и пью поболее многих, и скандалю... Похоже, что я перенял от папаши все отрицательные черты его характера.

У папаши не было никаких особых увлечений, единственную радость для него представляла выпивка. После работы он шел пьянствовать, маршрут при этом каждый день был всегда один и тот же. Сначала он шел в пивнушку «Синония», где пропускал первый стаканчик. На закуску к холодному сакэ брал огурцы в приправе из мисо «морокю»¹ и жареную ставриду. Он всегда заказывал только это. Когда хмель начинал согревать изнутри, он шел в зал игровых автоматов «патинко»² под названием «Кинрю кайкан», то есть «Дом золотого дракона». Иногда вместо выигранных шариков забирал сигареты или жвачку, но чаще уходил просто так. Потом шел «добавить» в заведение к тетушке Сино, так вроде ее звали, и уже как следует набравшись, возвращался домой. Он каждый

¹ Мисо – густая масса из перебродивших соевых бобов. Служит для приготовления супов и используется в качестве приправы. «Морокю» – это название закуски: свежие огурцы, приправленные мисо.

² Патинко – название сети залов игровых автоматов в Японии. Этимология слова восходит к слову «рогатка», имеющему звукоподражательное происхождение.

день двигался по одному и тому же маршруту, прямо какая-то «звериная тропа», да и только.

Поэтому, если вечером возникала необходимость разыскать папашу, никакого труда это не составляло. Нужно было только пройти по «звериной тропе» с обратного конца. В дни, когда десятник выдавал деньги, мамаша всегда отправляла меня на поиски папаши. Я шел к тетушке Сино, потом заглядывал в «Дом золотого дракона», потом направлялся в «Синония». Где-нибудь в одном из этих мест я его обязательно находил.

Иногда я вытаскивал его из какой-нибудь водосточной канавы. Они тогда были не такими узкими, как сейчас. Иногда ширина достигала двух метров, местами канавы закрывали деревянными крышками. Папаша, набравшись под завязку, частенько соскальзывал с крышки и падал в канаву. Сколько раз я спасал его, вытаскивая оттуда, грязного и замызганного, в таком состоянии, что он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. В такие моменты он становился похожим на выжившего из ума старика, которому негде приклонить голову.

Про него можно рассказать много разных историй. У папаши действи-

тельно не было никаких пристрастий, но как-то вдруг все его приятели-мастеровые увлеклись рыбной ловлей, и папаша за компанию тоже решил стать рыбаком. Поскольку характер не позволял ему учиться у кого-нибудь, он решил, что все снасти, от удилица до поплавков, он будет делать сам. При этом все приговаривал: мол, у меня все обязательно получится лучше, чем у них.

И вот настал памятный день, когда папаша, воодушевившись, встал рано утром и поехал на рыбалку. До этого момента все было здорово, но вечером он вернулся с пустыми руками. Мало того, еще и промок до нитки. Погода в тот день была идеальной для рыбалки, никакого дождя, но сколько мы ни спрашивали его, что же случилось, он так ни слова и не сказал. Потом от приятелей-мастеровых мы узнали, что пока папаша ждал, когда рыба начнет клевать, он напился до безобразия и решил встать на дерево, которое плавало в реке. Ну и конечно, поскользнулся и свалился в воду. Мы тогда здорово посмеялись всей семьей.

День, когда мы впервые поставили в доме ванну, тоже закончился большим переполохом. Купили ванну из кипарисового дерева, бойлер и трубы,

все установили в маленькую ванную комнату, которая была метров пять, не больше. Папаша радовался, говорил: «Как это здорово, собственная ванна. Да разве можно ходить в баню, такая там грязища, ужас просто!» И самый первый отправился мыться. Похоже, он совсем забыл, что любил баню и ходил туда чуть ли не каждый день.

Когда он сел в ванну, обнаружилось, что вода еще не очень горячая. Поэтому он громко позвал меня и потребовал, чтобы я подложил побольше дров. Я никогда раньше этого не делал и не знал, что значит «побольше». Кладу себе дрова в печку бойлера и кладу, но понимаю вдруг, что голоса отца больше не слышно. Решил посмотреть, как у него дела, гляжу — он сидит в ванне по горло в воде, весь красный и глаза закрыты. А вся комната в дыму. Я в панике кинулся звать на помощь брата, мы вдвоем, поднатужившись, вытащили отца из кипятка, донесли до комнаты и уложили на пол. Только он был какой-то вялый и не шевелился. Тут все забежали: «Папочка умер! Купите лед! Да какой там лед, надо врача! Такэси, беги за врачом!»

Пока все метались, папаша вдруг пришел в себе и сказал: «Ну, что случилось?»

Правда, потом несколько часов он пролежал не вставая. Наверное, если бы он еще несколько часов просидел в ванне, то, может быть, и правда умер.

Еще один рассказ про ванну. Через несколько дней после этого я решил нагреть воду и пошел к бойлеру. Рядом с бойлером на полу валялась ручка от бейсбольной биты, которую я берег как зеницу ока. Папаша стоял у бойлера и подкладывал дрова.

Я его и спрашиваю:

– Папань, что это?

А он мне отвечает:

– Как это «что»? Сам что ли не видишь, дрова, конечно!

Мне аж кровь в голову бросилась, я закричал:

– Это не дрова! Это моя бита! – и чуть ли не с кулаками на него кинулся.

– А я знать не знаю, что это такое! – отвечает он мне.

Вот так – и взятки гладки.

Конечно, папаша и предположить не мог, что это была бита, на которую я долго копил деньги и наконец-то купил. Краска с нее облупилась, бита стала черной, поэтому папаша и решил, наверное, что этот кусок дерева, самый подходящий для растопки. А я в этот день впервые захотел пристукнуть папашу.

Все члены нашей семьи много раз попадали из-за папаши в самые отчаянные ситуации. Любимого цыпленка сестры он умудрился сварить на обед. Она то ли купила цыпленка, то ли его ей подарили. Сестра назвала его Пии-тян и усердно за ним ухаживала. Цыпленок вырос, стал курочкой, и вот в один прекрасный день, когда сестра пришла из школы, он пропал. Пока она его искала, из кухни донесся вкусный запах «набэ» из кипящего горшка. Она пошла на кухню и неожиданно для себя обнаружила у плиты папашу. Она спросила:

— Не знаешь, где мой Пии-тян?

— Я его в кастрюлю положил, — последовал ответ.

В тот момент сестра так разрыдалась, как будто вода из фонтана забила.

Я тоже подумал: «Ну и папаша, ужас, каких дел натворил!», но голод не тетка. А пахло так вкусно, что я сел есть вместе с папашей. Потом и сестра, всхлипывая, уселась за стол, что меня ужасно удивило.

— Бедный Пии-тян, что с тобой сделали! — приговаривала сестра и тут же начала вылавливать кусочки курятины из горшка. В конце концов она даже добавки попросила.

Если бы это происходило сейчас, я сказал бы ей: «Как ты можешь, это же Пии-тян!», но тогда все голодали и было не до сантиментов. Если что-то могло быть употреблено в пищу, про любого «пии-тян» забывали. Время было такое.

Но самый огромный урон от папаши понес мой старший брат. Когда он собрался жениться, отец жутко напился во время обмена подарками при помолвке. И все получилось просто ужасно, невыносимо. Невеста брата происходила из Тотиги, ее отец владел химчисткой, был очень влиятельным человеком. Его даже выбрали в руководство профсоюза.

В начале визита отец, одетый в какое-то непривычное кимоно, сидел истуканом. И говорил положенные по случаю слова типа: «Спасибо вам, такую прекрасную девушку отдаете за нашего дурня...». Но чем больше он пьянел, тем все более сомнительным становилось его поведение. Он все чаще подносил рюмку ко рту, и в тот момент, когда я увидел остекленевшие глаза папаши, его понесло, и удержать его уже было невозможно. Он начал орать:

— Что это за девчонка?! И рожа у нее какая мерзкая! Небось некуда ее было

пристроить, так решили мне в дом подсунуть, мерзавцы!

Все были так потрясены, что и слова вымолвить не могли. А папаша начал приставать уже к отцу невесты:

— А ты кто такой, сидишь и пьешь с важным видом?! Ты ведь просто чистишь чужие шмотки, болван. Нечего тебе задаваться!

Отец невесты был довольно смиренным человеком, но постепенно и его терпение лопнуло:

— Думаешь, я долго буду выслушивать оскорбления тебе на радость? Я всего лишь чистильщик? А ты всего лишь маляр, и что с того?!

После этой отповеди ситуация совсем вышла из-под контроля. Мамаша плакала и злилась, только одна бабушка изо всех сил пыталась помирить присутствующих, но они еще больше распалялись.

Все напоминало сцену кровавой битвы, разыгранную в театре.

Обычно в такой ситуации помолвку разрывают, но как бы странно это ни звучало, брат все-таки благополучно женился на этой девушке. Конечно, молодые так решили между собой, но все же отец невесты оказался широкой души человеком. Любой другой отец вряд ли рискнул бы отдать дочь

за человека, папаша которого такой скандалист и пьяница.

Свадьбу праздновали у нас в доме, и отец снова напился. Сначала все шло хорошо – собрали соседей, сняли все внутренние перегородки «фусума» и начали пир. Но в конце праздника отец начал кричать: «Как я рад сегодня!», разделся догола, начал плясать, член болтался во все стороны, просто ужас что началось... Новобрачная сидела в кимоно невесты и горько плакала под белым головным убором «цуно какуси»¹.

Был в нашей совместной жизни и совсем другой случай, когда папаша пострадал от моего среднего брата. Братец сбил папашу машиной и уехал, не остановившись. Когда брат учился в институте, он получил права и ужасно хотел поехать на машине. Он выпросил автомобиль у приятеля и поехал покататься, но совсем скоро вернулся домой просто зеленый от ужаса.

¹ «Цуно какуси» – буквально «скрывающий рожки строптивости» – название головного убора невесты. Это белая шелковая косынка с красной подкладкой, довольно высоко приподнятая над прической. Символизирует покорность невесты будущему мужу.

— Я сбил человека, — твердил он без остановки, все время порывался расплакаться и совсем упал духом.

Мамаша какое-то время молчала с озабоченным лицом, а потом сказала мне:

— Так, Такэси, когда придут из полиции, ты будешь молчать, понял?!

А брату она велела:

— А ты ложись спать. Машину поставь вон там. Если никому ничего не скажешь, никто и не узнает.

И она принялась стелить постель.

В это время появляется папаша, из носа у него льется кровь, одежда вся тоже в кровяные пятна, а переднее колесо велосипеда искривлено и свернуто на бок. Злится страшно и говорит:

— Тут совсем рядом с домом какая-то сволочь сбила меня на машине и уехала.

Тут все сообразили — это, значит, брат сбил отца на велосипеде!

В самый неподходящий момент, когда все семейство находится в жутком напряжении, папаша вдруг появляется в таком виде и выглядит, как обычно, полным болваном. Никто не сумел сдержаться, всех домочадцев буквально распирало от смеха. А посередине общего хохота с открытым ртом стоял папаша, ничего не понимая, и кровь лилась у него из носа.

Помимо склонности к пьянству у папаша имела еще одна вредная привычка. Хотя у него никогда не было денег, он ужасно любил новые вещи. Он мог откликнуться на любое заманчивое предложение и сломя голову бежать куда угодно. И всегда поддавался на сладкие уговоры и покупал всякую ненужную ерунду. Конечно, каждый раз мамаша ругала его нещадно.

От папаша на память у меня остались только сандалии на кожаной подошве. Так вот эти сандалии были одной из таких «удачных покупок». Я прекрасно помню день, когда папаша их купил. Стояла жаркая летняя погода, он пришел радостный со словами: «Какую я отличную вещь купил!» — и тут я услышал, что откуда-то снизу, из-под ног папаша раздастся звук, как будто колокольчики звенят. Пригляделся и правда — над каблуками у сандалий прицеплены маленькие колокольчики.

Папаша спрашивает:
— Как тебе сандалии? Носок из крокодиловой кожи и верх из хорошего материала. А колокольчики, ты понял, из золота сделаны! — И вид у него такой довольный...

Мамаша только взглянула на него, и на лице у нее появилось выражение полной безысходности. А потом она устроила ему разнос.

— Ну ты дурак! Кто бы стал таскать на пятках золотые колокольчики?! И за сколько ты это купил?

Папаша назвал такую сумму, которая раз в десять превышала обычную цену за подобные вещи. Наверное, он заплатил столько, потому что взаправду считал, будто колокольчики золотые.

Сколько мать ни твердила — пойди, верни назад, он только отмахивался, кричал: «Достала, дура набитая» и не послушался ее. Почему-то эти сандалии — единственное, что досталось мне от отца на память.

Даже если папаша покупал какую-то вещь, которая при ближайшем рассмотрении оказывалась жуткой ерундой, он продолжал ею пользоваться. Из всего, что он носил, я вспоминаю перстень с печаткой. На вид он был сделан из блестящего золота, а в торце — именная печать. Выглядел он очень дешево — вульгарная, никуда не годная подделка.

Как только папаша купил этот перстень, он стал с нетерпением ждать почтальона. Когда приходили с почты с

посылкой или с заказным письмом, он тут же выскакивал в прихожую и говорил: «Печати у меня нет, так что поставлю печать вот этим». Потом с довольным видом вытаскивал перстень и ставил отпечаток. Если мамаша хотела достать свою настоящую печать, он по-настоящему сердился и кричал: «Когда тебе будет нужна печать, всегда зови меня!»

Каждый раз, когда он отпраплялся выпить в «Синония», то обязательно надевал перстень. Правой рукой держал стакан с сакэ, а левую как-то неестественно выворачивал. Все для того, чтобы тот, кто сидел рядом, видел этот перстень. Папаше ужасно нравилось вести с постоянными посетителями разговоры вроде:

– Эй, Кику! Какое у тебя отличный перстень! Дорогой, наверное?!

– Ну да, а как ты догадался?

Один раз он очень удивил хозяина «Синония», попросив у него квитанцию, мол, готов поставить на ней печать. Вообще-то папаша ни разу в жизни не видел, как выглядит квитанция. А хозяин помолчал немного и говорит: «Вообще-то это я выдаю квитанцию и ставлю свою печать».

Услышав это, папаша начал чесать затылок, и вообще все это походило

на плохую комическую сценку «мандзай»¹.

День, когда в нашем доме появился телефон, я тоже вспоминаю как комедию. Наша семья была бедной, но почему-то мы купили и телевизор, и телефон гораздо раньше, чем многие другие люди, жившие по соседству. Итак, телефон установили, и папаша просидел перед ним несколько часов подряд.

Потом он почувствовал, что ноги у него затекли и начал сердиться, мол, странно, что никто до сих пор не позвонил. Хотя он никому не сообщил наш номер, так что, само собой разумеется, никто и не мог позвонить. Но папаша уже начал нервничать. Делать было нечего, и брат поехал на велосипеде к вокзалу и оттуда позвонил домой.

Когда раздался звонок, мамаша сказала, чтобы он быстрее подошел к те-

¹ Мандзай – вид разговорного жанра на японской эстраде. Чаще всего выступает дуэт комиков, из которых один обычно туповат, а другой сообразителен. В репризах используется множество каламбуров и игра слов. Китано, как известно, начинал свою творческую деятельность в дуэте «Два Бита», который принес ему известность на телевидении.

лефону. Папаша снова рассердился и говорит:

— Ты издеваешься, что ли?! С чего это я должен брать трубку, дура набитая!

Наверное, в этот момент он вдруг запаниковал. Когда он все-таки взял трубку, то вдруг заорал:

— Хеллоу!

Брат, должно быть, страшно удивился.

Потом папаша вообще стал нести чушь и сказал почему-то:

— Это я, папочка. А кто это?

Кто же это мог быть, интересно, кроме брата? Потом вдруг объявил:

— Слышно хорошо, — и не говоря больше ни слова, повесил трубку.

После этого отец захотел сам кому-нибудь позвонить, но тогда среди его приятелей мало у кого имелся телефон. В конце концов он надумал позвонить десятнику и позвонил, но говорить-то было совсем не о чем!

— Да я просто так звоню, хотел спросить, как вы там... — папаша выдал из себя несколько ничего не значащих слов и повесил трубку.

Потом через какое-то время позвонил снова. На третий раз десятник наконец на него рассердился и отчитал, мол, нечего мне звонить без дела.

Альшь тогда папаша перестал названи-
вать почем зря.

Если бы нынешние молодые увиде-
ли папашу, точно бы сказали про него:
«типичный маразматик».

Странно, конечно, что сын говорит
такое про отца, но все оно так и было.
Однако когда речь шла о работе, па-
паша всегда становился очень серьез-
ным. Я ни разу не видел, чтобы он от-
лынивал от дела или отдыхал в рабо-
чий день. И если в воскресенье подво-
рачивалась работа, он выходил из дома
пораньше, чтобы успеть к назначен-
ному времени.

Мне и среднему брату часто приходи-
лось ему помогать. Когда я учился в
средней школе, по воскресеньям мне
очень хотелось выспаться, а потом по-
играть в бейсбол, но брат рано утром
поднимал меня с постели буквально
пинками: «Такэси, вставай! Надо идти
работать с папаней».

Делать было нечего, я вставал и та-
щился за ними. Я их просто ненавидел,
потому что все мои приятели развлека-
лись, и только я работал.

Отец был небольшого роста, чуть
выше ста шестидесяти сантиметров, с
крепко сбитым телом и очень провор-
ными движениями. На стройплощадке
он с легкостью красил стены и окна на

высоте четвертого этажа без всяких страховочных строп. Он забирался на леса, которые возводили пожарные, ставил рядом с собой краску, как-то весь изгибался и начинал работать кистью. Это мне очень напоминало скалолазов, которые поднимаются по отвесному склону.

Папаша часто ходил красить на завод, который построили по соседству, и с легкостью, почти бегом передвигался по бетонной крыше здания. Но однажды он вдруг куда-то пропал, а потом оказалось, что в крыше была дыра, он провалился и вылез с ведром краски на голове. Такое тоже бывало. Сейчас, когда я думаю об этом, то удивляюсь, как папаша ни разу не получил серьезной травмы. Иногда леса ломались, и вообще работа маляра и травмы всегда взаимосвязаны. Папаша обладал каким-то врожденным, звериным инстинктом, предохранявшим его от травм. Видимо, поэтому ничего серьезного с ним не случилось. Единственное, за что я благодарен папаше, — это интуитивная моторика, которую я от него унаследовал. Папаша часто хвастался, что он занимался гимнастикой на всяких снарядах, но это он наверняка привирал.

Самая любимая присказка папаши была: «Я не просто красильщик». Он

так часто повторял: «Моя специальность, так же как у придворного плотника, ошкуривать дерево до белизны», что все уши мне оттоптал. Сначала он покрывал дерево краской, потом олифой и затем наводил глянец специальной тряпкой. Все говорили, что особенно здорово папаше удавались мерцающие стены для кафе и других заведений.

Я часто помогал ему отмывать в щелочке поверхности в синтоистских храмах. Надо было сначала нанести на почерневший от пыли и дыма потолок из белого дерева каустическую соду, потом удалить щелок. После того как дерево становилось белым, его надо было просушить, а потом покрыть новым слоем олифы. На словах все звучит очень просто, но когда на потолок наносили каустическую соду, она попадала на голову, растекалась по всему телу. Мы всей семьей помогали папаше, но это была очень противная работа.

Я удивлялся тому, как папаша опускал руку в каустик, а потом облизывал пальцы. Облизывал и приговаривал, покачивая головой: «Так, пока еще слабоват раствор». На мой взгляд, это было очень опасно, но папаша всегда изрекал с невозмутимым лицом: «Это

такое дело, что если не попробуешь, не начнешь разбираться».

Он также говорил: «Если пробовать полизать лак, то потом начнешь привыкать». Вообще считается, что лаковых дел мастеров в начале своей работы заставляют понемногу лизать лак. Просто если не приучить таким образом организм, то будет постоянная аллергия на химикаты и работать вообще станет невозможно. Когда я это услышал, то зауважал всех мастеровых.

Как-то раз папаша работал до 31 декабря. В канун Нового года его попросили покрасить что-то на заводе, и мы всей семьей помогали ему, но когда закончили, было уже одиннадцать часов вечера. Когда мы вернулись домой, мамаша начала варить гречневую лапшу «тосикоси соба», которую едят в Новый год.

— Ну вот и закончился наконец этот год, — сказала мамаша, когда мы ели лапшу, потом вдруг забеспокоилась и добавила: — Отец, как ты думаешь, уж сейчас-то не придут за долгами?

Папаша засмеялся в ответ, говоря: — Ты что, совсем сдурела?! Кто попрется собирать долги 31 декабря после одиннадцати часов?

Но когда до Нового года оставалось минут пятнадцать, вдруг распахнулась входная дверь, а затем раздался голос: «Китано-сан!»

Вся семья просто застыла в ужасе. Делать нечего, средний брат поехал на велосипеде к десятнику, извинился и попросил аванс в счет будущей работы. Тогда наконец мы смогли встретить Новый год. Сейчас, когда я думаю об этом, душу окутывает печаль, но тогда в приходе сборщика долгов не было ничего грустного, да и ничего особенного. Для нас это было самым обычным делом. Я хорошо помню, как мы сели за стол и без всякого волнения доели гречневую лапшу.

* * *

И вот этот самый папаша однажды вдруг не пошел на работу. Правда, ему было уже за семьдесят, то есть дело происходило гораздо позднее того времени, о котором я вспоминаю. Но после этого дня он уже больше никогда не работал.

Какое-то время перед этим папаша, возвращаясь с работы, начинал шумно дышать, двигая плечами. Наверное,

сильно прихватывало сердце. Потом он вдруг стал говорить: «Все, мне недолго осталось» — и в один прекрасный день резко перестал работать.

После этого папаша то ложился в больницу, то выписывался оттуда. Когда ему становилось плохо, он уходил в больницу. Через два-три дня возвращался домой и снова начинал пить, курить, да так, что здоровому человеку и не снилось. Потом, снова почувствовав себя хуже, он опять отправлялся в больницу. Он то падал без сил, то поднимался, прямо как ванька-встанька.

Когда мой старший брат подрос и стал сильнее, чем папаша, тот перестал буяннить в пьяном виде. Однажды брат сильно на него накричал, мол, сколько можно безобразничать. После этого папаша хоть и обзывал иногда брата дураком, но потихоньку, голосом, больше похожим на шипение змеи. Когда брата не было дома, тогда он начинал шептать: «Вы все скоты», но выглядело это просто жалко.

Когда папаша слег, слабость его характера стала еще более заметна. Он сделался очень слезливым. По любому поводу вдруг начинал извиняться перед мамашей, а потом рыдал. Голова у него явно стала работать хуже, и

папаша постепенно превращался в плаксивого старикашку.

После этого его отношения с мамашей стали походить на дуэт комиков «мандзай», когда один – умный проныра, а второй – олух царя небесного. Мамаша спокойно говорила о нем:

– Отец совсем сдурел. Он все время пил, вот голова и перестала варить. И правая рука у него дергается. Может, ему веревочку с бантиком дать, чтобы кошек забавлял.

А продолжение было и еще похлеще:

– Только если кошку выпустить, она его до крови закусает. Может, лучше веер в руку дать, жарко сегодня, так и вентилятор не понадобится.

Папаша злился и покрикивал на нее:

– Дура, ты что про меня выдумываешь?!

Но только былой силы в нем уже не было.

Даже я все время порывался ей сказать: «Мать, прекрати говорить о нем гадости!», но это было ее мезью за молодые годы. Наверное, мамаша вспоминала, как пьяный папаша часто избивал ее, и в этом выражалось ее отщипление.

В конце концов папаша слег совсем, и это стало тяжелым испытанием для

родных. Он лежал в палате на четверых, кроме него там находились больные с размягчением мозга и с раком в последней стадии. Иногда тот старик, который страдал размягчением мозга, мог всю ночь без конца громко выть. Папаша совсем ослабел душой и, слыша этот вой, начинал плакать. Потом умер больной раком, ночью пришли родственники и начали причитать: «дедушка умер». Дед с размягчением мозга принялся бормотать «умер не умер», папаша начал канючить и плакать, мол, и мне недолго осталось... В общем, настоящий ад.

Папаша по природе своей был слишком робким, и вряд ли он знал других женщин, кроме мамы. Ссорились они бесконечно, но я ни разу не слышал, чтобы ссора происходила из-за женщины. Однажды он съездил с приятелями-мастеровыми по дешевой путевке на курорт в Атами. Потом мы смотрели снятый на любительскую камеру ужин, где присутствовали официантки. Пожалуй, это был единственный раз, когда папаша, можно сказать, развлекался в компании с женщинами.

Поэтому я просто впал в прострацию, когда в газетах началась шумиха по поводу того, что у папаши был ре-

бенок на стороне. Ко мне вдруг явился корреспондент из иллюстрированного еженедельника и говорит:

— У Кикудзиро-сан есть ребенок от другой женщины, и он это скрывает.

Я не раздумывая закричал:

— Вы что, издеваетесь?! Не может мой папаша ничего такого скрывать!

Потом, конечно, проверили, и выяснилось, что это ошибка, но я думаю, все, кто его знал, в один голос заявили бы, что такого с папашей быть не могло.

Я полагаю, что становление ребенка и превращение его во взрослого человека определяется тем, какие чувства он испытывает к родителям. Мне кажется, если он, видя отца и мать, может им сочувствовать или осознавать, как им тяжело, значит, он сделал первый шаг по дороге во взрослую жизнь. А если уже в недетском возрасте он все еще говорит себе: «Ни за что не прощу отца», значит, он пока остался пацаном. Хотя если говорить лично обо мне, то тут можно и заподозрить меня в некотором лукавстве. Сколько лет мне было, когда я начал думать, что смогу простить папашу?

В детстве я все время думал: «Ну почему у меня такой гадкий отец?» Мне все хотелось, чтобы отец у меня был

необыкновенный. Я всё представлял: вот было б здорово, чтобы папаша мог и подраться, когда надо, и давал мне денег на расходы, а когда нужно, ругал бы, но за дело. Я не испытывал совершенно никакой благодарности к папаше. Когда я ушел из дома и начал сам зарабатывать на жизнь, мое отношение к нему не изменилось. Возможно, я прожил свою жизнь ребенком, так и не повзрослев до сегодняшнего дня.

Но зато в последнее время я стал частенько вспоминать, как папаша смеялся, завидев меня. Я почти не помню, чтобы он что-нибудь мне говорил. А вот его улыбающееся лицо я легко могу вызвать в памяти. Вот я помогаю ему в работе, и он смеется, видя, как я крашу. Перед моим внутренним взглядом его радостное лицо, когда я прихожу за ним в пивнушку «Синония». Почему-то я все чаще стал вспоминать его улыбку. Может, сейчас, когда мне уже за пятьдесят, я стал взрослым и могу наконец простить отца?

Пожалуй, надо вспомнить и о том, что несколько рассказов об отце стали моими шуточными репризами на сцене.

— Дурак ты, не знаешь, что ли? Если мужчина пошел налево, его ждут семь гномов.

— Да нет, семь врагов! Если бы ждали семь гномов, то это был бы «Диснейленд».

Этот диалог из разговора папаши с мамашей я в чистом виде перенес на сцену. Папаша после посещения пивной часто пересказывал поговорки и присказки, которые запомнил со слов посетителей. Но при этом, когда возвращался домой, нередко что-нибудь путал, и это бывало смешно.

— Человек должен быть терпелив. Вот говорят: «На камне усидели три человека...»

— Да нет, надо говорить: «Так терпелив, что усидел на камне три года». А то у тебя получается что-то вроде: «Ум хорошо, а два сапога — пара!» Что с того, если три человека уселись на камень!

Мамаша возражает, а на лице написано: «Совсем отец спятил!»

И этот диалог можно было отправлять прямиком на сцену к комикам «мандзай».

И вот еще одна история. Когда я учился в младшей школе, однажды в дом к соседям залез вор. Как только раздался крик: «Грабят!», люди из окрестных домов начали выскакивать наружу, а вор, который на вид был самым бедным из набежавших мужчин, изо

всех сил старался унести ноги. С громкими криками: «Лови! Держи подлеца!» в процессе погони ближе всего к воришке подобрался плотник и владелец бакалейной лавки. Папаша тоже схватил молоток и с криком: «Прибью заразу!» влился в ряды преследователей. Все было здорово до тех пор, пока вора не загнали в тупик улицы.

Тогда вдруг преступник обернулся, перехватил поудобнее палку в руке и пошел в контратаку. Он был так грозен, что все преследователи бросились врассыпную. И все разом помчались к нам, зрителям. А в первых рядах бежал папаша. В общем, так вор и удрал. Печального в этом ничего не было. Я вроде и разозлился сначала, но вид папаша, который сделал разворот на месте, и побежал обратно, был так комичен, что я начал смеяться. Это напоминало на сцену из комедийного фильма, и она до сих пор стоит у меня перед глазами. Говорят, дети учатся, глядя на спину отца, уходящего на работу. А мне папаша запомнился только в образе олуха.

Папаша не стало двадцать лет назад, но я до сих пор не знаю, в какой семье он вырос. Сколько я ни спрашивал братьев, они тоже не могли ответить. Он мог написать только свое имя

и фамилию, поэтому вряд ли учился хотя бы в начальной школе.

Мамаша говорила, что отец — подкидыш, но правда это или нет, тоже неизвестно. Я не встречался ни с одним из его родственников. Когда я начал выступать на телевидении, то все думал, а вдруг кто-нибудь из его родных придет ко мне знакомиться. Но никто так и не появился. До сих пор я так и не узнал, из какой он был семьи.

«Чудовище», с которым я повстречался в детстве, ушло, так и не показав истинного лица....

СМЕРТЬ ГОСПОЖИ КИТАНО САКИ

«**Р**оспожа Китано Саки, мать телеведущего и кинорежиссера Ёита Такэси (настоящее имя Китано Такэки), скончалась 11 августа 1999 года в больнице города Кирундава префектуры Нагано в возрасте 95 лет. Главным распорядителем на похоронах — старший сын Сэйзэки; Средний сын — Китано Масаю, профессор университета Сюэйтэй, известный также в качестве телекомментатора; Господин Такэси — младший сын в семье».

«Это меня дохоняло. Мы проспали всю ночь у гроба покойной, а утром состоялась пресс-конференция. Я разрыдался в слезы. Потом эти кадры бесконечно повторяли в новостях. Выглядело это ужасно, хуже быть не могло».

«**Г**оспожа Китано Саки, мать телеведущего и кинорежиссера Бита Такэси (настоящее имя Китано Такэси), скончалась от старости 22 августа 1999 года в больнице города Каруидзава префектуры Нагано в возрасте 95 лет. Главный распорядитель на похоронах – старший сын Сигэкадзу. Средний сын – Китано Масару, профессор университета Сюкутоку, известный также в качестве телекомментатора. Господин Такэси – младший сын в семье».

Это меня доконало. Мы просидели всю ночь у гроба покойной, а утром состоялась пресс-конференция. Я разрыдался в голос. Потом эти кадры бесконечно повторяли в новостях. Выглядеть это ужасно, хуже быть не могло.

А я ведь поначалу подумывал, как из этого события сделать новую шутку. Скажем так: «Каждый раз, когда сообщали, что положение очень серьезное, я мчался в больницу, а она снова была жива-живехонька. Но наконец-то и эта старая волчица померла».

Когда мамыши не стало, я погладил ее лицо и сказал: «Похожа на египетского фараона Рамзеса Второго, помните, мумию привозили вместе с выставкой из Лондонской Национальной галереи».

Это здорово понравилось приятелям, которые пришли тогда в гости. Если бы мы проводили бдение у гроба покойной в тот день, когда ее не стало, я, наверное, придумал бы хлесткую шутку, которая была бы у всех на устах. Но пока мы готовились к похоронам, бесконечно совещались с похоронным агентством, нервы у меня совсем расшатались. Усталость разлилась по всему телу, тяжесть утраты чувствовалась все сильнее.

А когда после бдения остались только близкие родственники, Масару заплакал и не мог остановиться. Сразу после этого началась пресс-конференция. Поэтому желание «запустить» новую шутку, чтобы все говорили: «Да, конечно, он потряса-

ющий артист, настоящий комик», незаметно улетучилось.

По ходу разговора я чувствовал, что комментаторы программ о жизни артистов все время пытались заставить меня плакать. Помню, как одна репортерша с каким-то странным, фальшиво участливым лицом все ко мне приставала с вопросами...

Я оглянулся и увидел рядом еще одну репортершу, которая плакала по-настоящему.

«Чего это она?!» – подумал я, и в тот же момент ком подступил к горлу.

И все. Слезы полились градом, и успокоиться я не мог. Эти репортерши просто меня «сделали», какой стыд! Я чувствовал себя как боксер после нокаута. Так хотелось покрасоваться, придумать новый эстрадный номер на тему смерти родительницы, но ничего из этого не вышло.

После похорон были просьбы провести еще одну пресс-конференцию, но я почувствовал, что снова попаду в нокаут, и отказался.

Я потерпел поражение как артист, но зато потом мне многие говорили, что кадры с моими рыданиями им очень понравились. Мол, «если человек, который постоянно говорит всякие гадости, может так плакать, значит, на самом

деле он совсем не плохой». Говорили, что многие женщины тоже проливали слезы из сострадания ко мне.

Диктор Фукумицу смотрел телевизор в Хаконэ и тоже из сочувствия пустил слезу. А потом решил, что пойдет на похороны, и буквально ринулся в Токио. Ведущий Кокура, говорят, во время программы расплакался и сказал: «Давайте все позвоним своим матерям!»

То есть я понял, что мои слезы принесли неплохой результат, но зато от попыток СМИ «выдавить слезы из читателей и зрителей» меня буквально стошнило. Я специально сбрасывал вес для съемок следующего фильма, а про меня судачили: «Такэси-сан так похудел от переживаний». Неся фото покойной матери, я поменял положение рук на уровне груди, это тоже попало на телеэкран, а комментатор сказал: «Посмотрите, Такэси-сан все время обнимает свою мать».

* * *

Мне не часто приходилось бывать на похоронах, но я всегда удивлялся странным вещам, которые там происходят. И особенно оттого, что похороны — мероприятие весьма серьезное,

любые необычные происшествия кажутся еще более невероятными. Эта несуразность, разрыв с действительностью часто становятся основой комедии, и если бы не существовало фильма режиссера Итами, я сам бы снял комедию о похоронах.

В день бдения у гроба покойной в Токио лил жуткий дождь и все время гремел гром. Тут мой брат Масару вдруг и говорит дрожащим голосом:

— Это мамаша. Это точно мамаша гневаается.

А самый старший брат рассердился и отвечает ему:

— Она не сёгун Тайра-но масакадо¹, чтобы гневаться. Ты что несешь, в это время года гроза обычное дело!

Во время ночного бдения разыгралась страшная гроза. И на этот раз Масару тоже все приговаривал: «Ну, мамаша, ну дает!»

Чем можно объяснить его поведение? Ведь он ученый, редактор институтского научного журнала.

Все время до начала похорон он слонялся из угла в угол как неприкаянный, добавляя неразберихи к всеобщей суматошной деятельности:

¹ Жестокий правитель эпохи Хэйан (X век н. э.), японский аналог Ивана Грозного.

— Эй, Такэси! Надо сходить в местную управу, ты пойдешь?

— Нет, я не могу!

— Что же делать? Что мне говорить?!

— Ты скажи, что Такэси собирался сам прийти, но если бы он пошел, началась бы шумиха и все такое. Вот я и пришел вместо него. Нормально будет, правда?

— Пойдет, конечно. Да, еще в полицейское управление надо «барашка в бумажке» отнести. Сколько надо положить, как думаешь?

— А я почему знаю?

Но зато за день до бдения Масару вдруг заявил:

— Слушай, я часов на пять отъеду...

Я удивился:

— Какие еще пять часов?

— У меня лекция.

— Ты что, какая еще лекция? — Я продолжаю гнуть свое. — Я четыре или пять программ отменил на телевидении, и ничего...

А он словно не слышит. Опять говорит:

— Ты уж извини, никак не смог перенести...

Вернулся Масару с букетом, явно полученным от студентов.

Пока его не было, приходил какой-то странный тип. Он все мялся у

входа, а когда сестра его спросила: «Вы к кому?», он вдруг ответил:

– Да я с Футоси учился с начальной школы до старших классов.

Сестра спрашивает, мол, кто такой Футоси.

– Я думал, что в иероглифе его имени была еще одна черточка, и называл его Футоси¹, – отвечает этот тип.

Сестра никак не могла успокоиться, все доказывала ему, мол, как же так? Неужели бывают люди, которые за восемь-девять лет учебы в одном классе не могут узнать правильное имя своего одноклассника?

Пока она все это говорила, он зажег курительную палочку на алтаре и со словами «Передавайте Футоси привет» удалился.

Так никто и не понял, откуда взялся этот странный человек.

Из-за того, что на похоронах появляются всякие непонятные люди, когда принесли букет от премьер-министра Обути, братья решили, что это

¹ Имя Масару пишется иероглифом «Большой». Добавление внутри одной черточки изменяет смысл, и измененный иероглиф означает «толстый» (по-японски «футой»). Имя в этом случае читается «Футоси».

чья-то шутка. Когда же узнали, что это на самом деле букет от премьер-министра, братья мои очень обрадовались. Потом стало известно, что, решив отправить цветы, Обути-сан долго раздумывал, не создаст ли это дополнительного беспокойства. Вот какой чуткий премьер-министр оказался.

В крематории в момент последнего прощания с покойной вообще произошло невероятное. Крышка гроба открывалась где-то посередине. Мы сняли крышку и сказали всем присутствующим: «Взгляните в последний раз на лицо усопшей». Только цветов принесли так много, что лица мамы было совсем не видно.

— Такэси, лица не видно!

— Она просто утонула в цветах...

Мы так переговаривались между собой, пока похоронный агент вдруг не сказал:

— Э-э, простите великодушно, но надо повернуть гроб. Здесь как раз ноги...

То ли тело положили неправильно, то ли крышку сняли неудачно, но вся эта ситуация показалась мне похлеще самой скабресной шутки. Ведь обычно в крематории такая атмосфера, что даже мне не пришло бы в голову отпустить шуточку типа: «Прожарьте с кровью, пожалуйста».

Когда мы разбирали прах, у мамыши на уровне поясницы оказался железный штырь.

Я тогда подумал: «Надо же, какая штуковина была у мамыши в позвоночнике. Наверное, болело все время». У меня даже в ушах зазвенело. А потом я посмотрел внимательнее и увидел там много мелких железячек.

— Надо же, сколько еще было в теле! — сказал я.

— Нет-нет, это скрепки от гроба... — объяснили мне.

* * *

Если бы скончался какой-нибудь шоумен и к нему на похороны пришло много народу, это понятно, но множество людей пришло на похороны моей матери, и это меня очень удивило. Явились и артисты. За день до ночного бдения приходила Мори Масако, чтобы зажечь курительную палочку на алтаре. Старший брат, которому скоро будет семьдесят, сказал тогда:

— Сколько лет может быть Масако-сан? Ей уже должно быть лет восемьдесят, а она все еще так красива! — Он словно взлетел на крыльях любви.

Во время бдения я сел передохнуть на стул, поднял голову и вдруг увидел прямо перед собой белое-белое лицо.

«Мамочки! Никак привидение!» — чуть не заорал от ужаса я, но вовремя опомнился.

Это была сильно накрашенная Судзуки Соноко, которая зажигала курительную палочку. Разнервничался я сильно. Так же сильно нервничал и когда пришла Асака Мицуё.

И тут же подумал: «А что я буду делать, если сейчас явится Номура Сатиё, с которой они лет десять не разговаривают?»

Комик, выступающий на телевидении, в любой ситуации ищет смешное. Перед началом бдения пришел помолиться один священник. И это оказался не кто иной, как преподобный Поль Маки. Ну ведь не скажешь ему, зачем, мол, пришел на буддийскую церемонию, религия-то у тебя другая?!

Симада Ёсити явился с «кодэн», приношением семье покойного. Все было бы здорово, если бы уходя, он не начал прятать в сумку чужие подношения. Увидел, что мы это заметили, и начал изображать из себя старого ма-разматика.

А еще есть очень известная история о том, как Осман Санкон, приехав в

Японию, впервые попал на похороны. Когда смотришь сзади на людей, которые один за другим наклоняются, зажигая курительные палочки, кажется, что они что-то едят. Тадзиро Масаси объяснил ему, что они не едят. Но Осман все равно спросил у Тадзиро:

— Это вкусно? Сколько кусочков надо положить в рот?

— Тебе показалось. Это не едят.

— Но ведь они все говорят «Готисо сама дэсита»¹.

— Нет, они говорят «Госюсе сама»².

Хаясия Пэ, который увлекается фотографией, пришел на похороны в розовой рубашке и сделал массу снимков. В конце церемонии он встал перед фотографией покойной, широко улыбнулся и принял красивую позу, попросив снять себя на память. Правда, его обругали дураком.

Так получилось, что день бдения совпал с днем рождения продюсера одной из программ, в которой я выступал. Так можете себе представить — вся съемочная группа явилась с подарком для него и в зале регистрации начала распевать «Happy birthday to you».

¹ Спасибо за угощение (япон.).

² Соболезную вам (япон.).

Все можно было бы простить, но последние слова «ту ю» звучали совсем как «цую», то есть ночь бдения. И вообще слово «поздравляю» в день бдения совсем неуместно.

На похороны телеведущих или их родственников присылают много венков от программ, где выступают артисты. Бывают передачи, названия которых оказываются совсем не подходящими для похорон. Скажем, название «Смейся сколько хочешь!» совсем уж не к месту, правда?!

* * *

Похороны проходили в храме Рэнсёдзи, самом известном в районе Кацусика. На самом деле в том же храме похоронен и папаша Кикудзиро. Но никто даже не подумал сходить к нему на могилу. Это может показаться странным, но если даже кто-то и вспомнил, что здесь расположена папашина могила, ни один из членов семьи не заикнулся о том, чтобы ее посетить. Папаша, наверное, рассердился и подумал: «Ну что это такое? Почему все в храме, а ко мне не идут?» Но никто из всей семьи не считает себя чем-то обязанным отцу.

И я не помню, чтобы он сделал что-то хорошее для меня. Характер ему достался робкий от природы, но когда он напивался, всегда буянил. Его можно пожалеть, конечно, но он постоянно всем мешал. Поэтому вспомнили о нем, когда начали рассуждать о мамашинной могиле.

— Если мамашу похороним с отцом в одной могиле, она сильно рассердится!

— Если уж она заставила гром греметь, то тут уж могила ходуном ходить начнет!

Когда я думаю об их совместной жизни, то вспоминаю только, как мамаша все время плакала, когда он ее избивал или опрокидывал чайный столик...

С того дня, как они начали жить вместе, она только и говорила: «Не люблю его, ненавижу его», но что это была за ненависть, если она родила от него четверых детей?! А когда он умер, мамаша приехала к нам домой вся в слезах. Я так и не смог ее понять.

Их взаимоотношения — это «загадка семьи Китано», но и происхождение папаши тоже нераскрытая тайна. Мамаша говорила, что он подкидыш, которого нашли в районе Асакусы. А папаша еще любил рассказывать, что он родился в семье аристократа и был

одним из близнецов, которого подкинули к воротам храма. Наверное, он это выдумал, когда посмотрел исторический фильм «Принц и нищий», где один актер играл две роли.

Еще я вспомнил, что на похороны приходил Фудзисаки-сэнсэй, который был моим классным руководителем в начальной школе. Он долго стоял в самой глубине алтаря, где все присутствующие зажигали курительные палочки. Я не встречался с ним лет сорок, наверное. И когда увидел, на меня снова нахлынули воспоминания о прошлом.

Вот одно из них. У старшего брата хранилась фотография мамы в восемнадцать лет. Он все время говорил, что мать была красавицей, и как-то раз по моей просьбе принес этот снимок. Тогда я впервые увидел мамашу молодой.

Мамаша была очень похожа на меня. И то, как она говорила, и как смотрела – просто противно даже, какое сходство. И вот ее не стало, а я все не могу опомниться. Казалось бы, что тут такого – умерла мать, которой исполнилось девяносто пять лет? Умом я понимаю, что в этом нет ничего особенного, но отчего-то эта смерть не перестает меня угнетать.

Как бы то ни было, мамаша имела на меня огромное влияние. Когда я делал что-то плохое, она приходила и ругала меня, и тогда казалось, что не только она, но и все общество в целом меня порицает.

Как-то я попал в полицию, и она в гневе кричала на меня: «Чтоб ты сдох!» А когда я разбился на мотоцикле, мамаша мне выговаривала: «У тебя ведь есть "Порше". Зачем же ты уселся на эту дурацкую штуковину вроде велосипеда?!»

Когда она пыталась по-глупому меня защитить и доказать всем, что я прав, ее наверняка обвиняли в «слепой материнской любви». Мамаша говорила, мол, простите его, что взять с дурака. И как-то у всех сразу пропадало желание ругаться или сердиться на меня. Видимо, люди тоже начинали думать, что взять с такого дурня действительно нечего.

Я и сам иногда полагаю, что у меня был комплекс «маменькиного сынка». И сейчас порой, когда я знаю, что поступил неправильно, в душе возникает странное чувство, словно какая-то часть меня ждет, будто мамаша придет ко мне, чтобы защитить. Возраст возрастом, но в чем-то ты всегда остаешься ребенком.

Я вроде уже говорил о том, что сейчас сбрасываю вес для съемок фильма. Пытаюсь похудеть, смотрю по телевизору чемпионат по легкой атлетике и тренируюсь в комнате на беговой дорожке. Даю себе задание бежать целый час, но уже минут через тридцать хочется бросить это дурацкое занятие. И тут же на глаза попадает фотография мамы в рамочке.

— Ты что вытворяешь! Еще тридцать минут осталось. Не сдавайся! Беги!

Мне кажется, что мама со мной разговаривает. Это очень странное чувство. Мне кажется, что мама все время за мной следит, поэтому я и подружку не могу к себе привести.

Но ведь ее не стало, и мне уже давно пора избавиться от комплекса «маленькиного сыночка». Может быть, для того чтобы попытаться это сделать, я и назвал эту маленькую повесть «Смерть госпожи Китано Саки». Вот так.

ЛЮДИ СЕМЕЙСТВА КИТАНО

18

1 января 1947 года в
маленьком
деревенском
доме в
локняском райо-
не Алаш появились
на свет мой

младший брат.

Назвали его Дижэнь. Он родился в семье, состоящей из шести человек: родителей, бабушки. Уек, старший брат Сюэньдэнь, старшая сестра Мэньцзе и я. Такси стал четвертым ребенком.

Почему-то я совсем не помню, каким он был в раннем детстве. Может быть, это потому, что у нас была разница в целых пять лет, но я не помню его плачущим младенцем или в момент, когда он сава-сава не учился ходить. Совершенно не помню.

Отчетливо я осознаю его существование, кажется, тогда, когда он уже собирался пойти в начальную школу.

Эти воспоминания написаны Китано Масару.

Ты что еще говоришь! Еще двадцать минут осталось. Не сдавайся! Верно!

Мне кажется, что мама с тобой разговаривает. Это очень странное чувство. Мне кажется, что мама все время за мной следит, поэтому и подушку не могу далеко отнести.

Но ведь ее не стало, и мне уже давно пора избавиться от комплекса маленького ребенка. Может быть, для того чтобы избавиться от этого сделать, я и назвал эту маленькую повесть «Смерть госпожи Китано Саки». Вот так.

18

января 1947 года в маленьком деревянном доме в токийском районе Адати появился на свет мой

младший брат.

Назвали его Такэси. Он родился в семье, состоящей из шести человек — родители, бабушка Уси, старший брат Сигэкадзу, старшая сестра Ясуко и я. Такэси стал четвертым ребенком.

Почему-то я совсем не помню, каким он был в раннем детстве. Может быть, это потому, что у нас была разница в целых пять лет, но я не помню его плачущим младенцем или в момент, когда он едва-едва научился ходить. Совершенно не помню.

Отчетливо я осознал его существование, кажется, тогда, когда он уже собирался пойти в начальную школу.

Первое мое воспоминание о нем – мой младший брат ждет, пока я приду из школы, и просит меня поиграть с ним, обращаясь ко мне со словами: «Братец! Братец!»

Я много играл с Такэси. Мы ходили на высохшее устье реки Аракава, то вытаскивали крабов щипцами для углей, то ловили речных раков. Дети той поры всегда оставались голодными, поэтому, когда у нас был богатый улов речного рака, он становился нашим полдником. И мы все время изобретали уловки, чтобы поймать как можно больше еды. Сначала Такэси смотрел на меня и подражал мне во всем. Но через некоторое время он стал ловить раков гораздо проворнее, чем я. Наверное, с того времени он начал проявлять себя как «гений развлечений». Мы ходили к учителю Нисиараи играть в жмурки и фехтовали игрушечными саблями, в магазине моделей в Сэндзю долго смотрели на модели паровозов, военных кораблей. Родители не имели возможности покупать нам дорогие игрушки, но и мне, и Такэси было очень весело.

Мы редко тратили деньги на развлечения, но довольно часто ходили в кино. Тогда недалеко от дома находился кинотеатр «Симанэ фудзикан», и

когда мама была занята по дому, а бабушка занималась с учеником, будущим рассказчиком и певцом сказов *гидая*, мы шли втроем с сестрой и братом в кино, тратя деньги, выданные нам на карманные расходы. Мы много раз пересматривали «Курама Тэнгу», где играли Аракан (Арасикан Дзюро) и Мисора Хибари. По дороге домой из кинотеатра мы пребывали в сильном возбуждении и подражали персонажам из только что просмотренного фильма.

«Я буду Курама Тэнгу, а ты будешь Сугисаку. Группа Синсэн, приготовиться!» — я вспоминаю наши игры с ностальгической улыбкой.

В детстве были, конечно, и трудности, даже более чем достаточно. Мы оба испытывали тогда и досаду, и печаль...

«Почему я родился в таком доме?» — плакал я тогда.

Но больше всего я ненавидел помогать в работе отцу, который был маляром. Мы работали каждую неделю по воскресеньям — примерно с того времени, как я поступил в старшую ступень школы, а Такэси пошел в пятый класс начальной школы. Нашей работой была, главным образом, очистка — мы смывали грязь со стен и труб, на которые отец впоследствии наносил

краску. Самой сложной работой была затирка штукатурки.

Когда наносишь на потолок каустическую соду, чтобы снять слой грязи, то эта жидкость капает с потолка. Облитые струйками каустической соды, в которой была еще грязь и копоть, мы – наша кожа, волосы, одежда – приобретали цвет перетертого в порошок чая. При этом вид у нас был такой, что лучше умереть, чем показаться кому-нибудь на глаза – ветхий джемпер, как будто только что найденный на помойке, рваные штаны, носки-таби и сандалии-дзори... Мы выглядели совершенными грязнулями, и на нас просто жалко было смотреть. Юноше, достигшему возраста половой зрелости, до смерти не хотелось попадаться кому-нибудь на глаза в таком виде. Сгорая от стыда, мы становились еще более жалкими. Но именно в таких ситуациях как раз и встречаешься с одноклассниками и соседями. Это было действительно неприятно. Мне самому странно это говорить, но в школе я учился очень хорошо, меня даже считали первым в классе, а вот вне школы я появлялся в таком виде. Если шел дождь, то отец не мог работать, и поэтому я сделал куклу, призывающую не хорошую, а

плохую погоду, и молился, чтобы погода была плохой. Я не соблюдал сыновней почтительности по отношению к отцу.

С другой стороны, отец, похоже, очень радовался, что берет нас с собой на работу. Он не получил никакого образования, с трудом мог написать свое имя иероглифами — КИКУ-ДЗИ-РО, и, естественно, он не мог производить подсчеты. Мне ничего не оставалось, как вместо него вести переговоры о стоимости работ и аренде инструментов, и, отправляясь вместе со мной на работу, отец, похоже, стал подумывать о том, чтобы я пошел по его стопам и стал ремесленником.

Он же не был даже бригадиром. Он был маляром, красильщиком по дереву, но у него не имелось даже своей высокой лестницы. И когда его звали на работу, он с поклоном шел в крестьянский дом по соседству и брал взаймы лестницу. Наверное, он мечтал направить меня по своим стопам, расширить дело, купить машину с электроподъемной лестницей, набрать много учеников-ремесленников и чтобы его называли «Китано-отец».

Но отец никогда не сказал бы такое в присутствии матери. А я, будучи ре-

бенком, поклялся себе, что никогда не стану таким жалким работягой.

Честно говоря, мне неудобно за это перед отцом, но у меня нет хороших воспоминаний, связанных с ним.

Один раз он взял меня и Такэси, и мы пошли в парк Одзи-но Асукаяма любоваться цветением сакуры, но, как и следовало ожидать, отец напился. И мы с Такэси не просто не полюбовались сакурой, а еще и волокли пьяного до смерти отца до дома. Сейчас мы, конечно, над этим смеемся, но тогда я разозлился – непонятно, кто кого взял с собой на прогулку.

Если говорить о том, что он сделал для детей – принес как-то раз подарочную шоколадку, которую получил, когда выиграл в игровых автоматах. А вообще он всегда приходил домой жалкий и подавленный.

Отец был очень застенчивым человеком, если не выпьет, то будет упорно молчать, а когда приходили заказчики, он прятался за раздвижной перегородкой – *сёдзи*. Другие ремесленники организовали профсоюз, встречались один или два раза в год в Хаконэ и Атами. Собирались они чтобы выпить, повеселиться вместе с братьями по ремеслу, но отец стеснялся и не ходил на эти встречи.

Он говорил: «Я не хочу туда идти. Масару, сходи ты вместо меня!»

Я совсем не хотел участвовать в таких мероприятиях, но если бы никто там не появлялся, то отец, наверное, упал бы в глазах своих коллег, и я был вынужден в школьной форме ходить на эти сборища в Хаконэ и Атами. Я думаю, нетрудно представить, насколько он был неуверенным в себе человеком, если он даже не пришел на мою свадьбу, притворившись больным.

Эта застенчивость досталась от него по наследству всем нам, его детям – братьям и сестре. Пожалуй, только Такэси умеет трансформировать эту робость в смех: черный юмор в самых печальных ситуациях, ерничество в официальной обстановке. Со всем этим справляется только Такэси, великолепно маскируя эту самую застенчивость.

В детстве мне было нестерпимо противно смотреть, как отец напивался и буянил. Хотя сейчас я думаю, что ему ничего не оставалось делать, как только выпивать и таким образом разгонять свою тоску, ведь со своим застенчивым характером он никогда не мог сказать того, что хотел.

Такэси относился к отцу немного иначе, чем я. Он восхищался профессией ремесленника и сам обладал потрясающим талантом создавать вещи — что бы это ни было — написание картины или изготовление игрушки. Он даже снял фильм «Лето Кикудзиро». Может, это и не было выражением уважения к отцу, но, мне кажется, он чувствовал близость к нему.

Также и в других фильмах Такэси часто встречаются слабые и жалкие, но добрые герои. Боксер, который не в состоянии противостоять своим искушениям и похудеть, якудза, который не может не творить зло и перестать быть плохим... Все они чем-то похожи на отца. Наверное, только Такэси испытывал такую симпатию к отцу.

И вот наша матушка... без упоминания о ней нельзя рассказать о семье Китано... Вся наша семья была полностью под ее началом. Потому что даже мать отца — ее свекровь принимала ее сторону. Отец, как это ни прискорбно, полностью находился в

тени мамы, его присутствие как отца было очень слабо ощутимым. В нашей семье не было отцовского превосходства или отцовских прав, лидером являлась мама, уважать следовало ее, и все полномочия принадлежали именно ей.

Когда я учился в младшей школе, мы собирались идти в поход на целый день, и как раз у мамы тогда начались осложнения после простуды, и ее положили в больницу. Я хотел было уйти, пообещав вернуться пораньше, но отец попросил остаться, сказав, что он ничего не понимает в домашних делах — и я не пошел в поход, которого так ждал. К своему позору, отец без мамы даже дома один не мог остаться.

Я отчетливо осознал, что мама сильнее отца, после того как поступил в среднюю школу. По поводу занятий, друзей в школе, по поводу своего будущего — то, с чем в других семьях дети пришли бы за советом к отцу — я советовался с мамой, и делал так, как она говорила. У меня даже не было мысли пойти посоветоваться с отцом. Наш брат, старше меня на 15 лет, уже работал в фирме и фактически обеспечивал всю нашу семью, и для нас он был как отец. Роль отца же

становилась все незаметнее и незаметнее, но с этим, наверное, ничего нельзя было поделать.

Меня спрашивали: «И что, отец никогда не возражал матери?»

Наверняка, когда разговаривал с мамой, он иногда думал про себя: «Здесь ты не права» или «Я хочу сделать так». Но он никак не мог это сказать. То, что говорила мама, было бесспорным и не подлежало обсуждению. Спорить с мамой, которая изо всех сил пыталась дать нам образование, считалось непозволительным. Настолько серьезно мама к нам относилась.

Матушка верила, что разорвать порочный круг бедности может только образование, а символом бедности для нее служил отец. Отец приносил ей только страдания: напивался, бил ее, доводя до слез. И мы, братья, каждый день смотрели на это.

Мама часто говорила: «Не становитесь такими, как ваш папаша!»

Помимо своей воли, с помощью мамы отец стал для детей образцом того, каким не следует быть.

Мать была жестоким и одновременно добрым человеком, но совершенно не могла не совать свой нос в чужие дела.

Сейчас молодежи в это трудно поверить, но тогда у семей, живших в торговых районах и кварталах города, не было неприкосновенности личной жизни. Не существовало ни стен, ни заборов, все жили плечом к плечу с соседями, как будто со своими собственными родителями или братьями.

Так было и в районе Адати во времена нашего детства. С плотницкой мастерской соседствовала лавка каменщика, с перламутровой лавкой – зазывалы в кабаре... В этом маленьком микрорайоне, где шумно и скученно жили вместе такие разнообразные люди, у матушки была достойная репутация благодаря ее заботливости и житейской мудрости. Я сужу об этом не только по рассказам учителя Фудзисаки, классного руководителя Такэси. Она могла, например, где-то узнать о хорошей работе на дому и организовать своих подружек-домохозяйек, сказать свое веское и разумное слово при выборах представителей в органы районного самоуправления.

Маму называли «профессором-всезнайкой», и все люди в ближайшем окружении действительно на нее полагались. Она никогда не забывала уделять

внимание соседям. Со словами: «Нет людей, которые бы сердились, получая подарки» — она дарила по надлежащим случаям подарки окружающим, подбирая их по вкусу каждого. И всех радовала. Когда я окончил университет и уже определился на работу в научно-исследовательский институт, матушка подарила всем сотрудникам носовые платки. А я об этом и знать не знал. А после, когда слышал от коллег: «Спасибо! Какая у вас хорошая матушка!», бывало, едва не падал со стула от удивления.

Когда она сердилась, то становилась просто ужасной, но и доброта ее была столь же велика. И умение щедро заботиться о других больше всех от матери унаследовал, конечно же, Такэси.

У Такэси много учеников, которых он называет «Армией», и они подражают ему во всем. Да и Такэси сам относится к ним как к своим родным. Мне отчетливо представляется, что он совсем не забыл о детском общении с теми людьми, от которых его не отделяли ни стены, ни заборы.

Матушка же иногда говаривала: «У вас был еще один старший братец, который помер!» Похоже, это был ребенок, рожденный не от отца, о котором идет речь в этой книге. Это исто-

рия старшего братца по имени Кацу. Поначалу мне эта история представлялась сомнительной, и я пропускал ее мимо ушей как небылицу, сочиненную мамой. И все же мне кажется правдоподобной история о том, что перед тем как матушка сблизилась с нашим отцом, она была помолвлена с неким морским лейтенантом, который скончался накануне церемонии. Да еще тот лейтенант был выпускником университета Мэйдзи!

Я тоже выпускник Мэйдзи, да и Такэси учился, но недоучился в Мэйдзи. Видимо, мамины пылкие воспоминания об умершем женихе определили и наш путь на учебном поприще. Кроме того, хотя она говорила: «Если бы вас не было, я бы уже разошлась с вашим отцом!», все же от него она родила четверых детей, поэтому думаю, что уж вряд ли она так его ненавидела...

Полагаю, что следует, наверное, уточнить некоторые детали тех эпизодов, которые описаны в этой книге.

Прежде всего это касается рассказа о том, что я на машине сбил отца. И в телевизионной драме показано, как самый старший брат Сигэкадзу при возвращении из свадебного путешествия наезжает на машине на отца. На самом же деле ни он, ни я до сих пор

не имеем водительских прав. А дело было так. Когда отец на велосипеде выехал на проезжую часть, то в этот момент идущий впереди автомобиль, принадлежавший какой-то фирме, резко затормозил, а передняя дверь со стороны водительского места распахнулась... И тут появился крутивший педали велосипеда и, кажется, как всегда, подвыпивший отец... Он совершенно не заметил происходившего и столкнулся с машиной. Домой он вернулся весь в крови. К счастью, ничего серьезного не случилось, но из его головы текла кровь. Это-то в комической форме и изобразил Такэси, придав образу отца до курьезности смешной вид и вложив в его уста слова, обращенные к водителю автомобиля: «Эй, ты что?! Дурак, что ли?»

А вот рассказ о курочке Пии-тян, которую ласково опекала старшая сестра Ясуко, это правда. Отец отнес курицу в крестьянский дом, находившийся позади нашего. Там ей отвернули голову, с тем он и вернулся домой. Старшая сестрица, узнав об этом и плача навзрыд, как помешанная, начала укорять отца. Но жили мы бедно и нуждались даже в самом необходимом — обычной еде. В конце концов и старшая сестра, проливая слезы, съела несколько пор-

ций курицы с овощами, тушенной в кастрюле... И хотя я на самом деле видел это своими глазами, но когда прочитал об этой сцене из жизни в описании Такэси, то понял, что у него она выглядит гораздо забавнее.

Такэси с улыбкой и как бы напоказ описывает воспоминания о трудностях жизни в семье маляра и пору своего детства, когда из-за бедности родители не могли покупать детям достаточно желанных игрушек. Он смог взять бездомную собачку в наш дом, не обращая внимания на предостережения братьев и сестры: «Ведь матушка будет против! Это уж чересчур!», только потому, что он очень хитро подъехал к матери и развеселил ее. Такого рода эпизодов было так много, что все их невозможно перечислить.

«Вы и лицом похожи друг на друга с Такэси, и манерой говорить, да и жестикуляция у вас одинакова. Кажется, что и в серьезных ситуациях вы ведете себя одинаково, и одинаково скромны», — так говорят люди, да и я сам так думаю.

Однако в Такэси был и есть выразительно-изобразительный талант. По сравнению со мной, который не может называть страдания иначе как страданиями, а когда хочется что-то сотво-

рить, не может не изречь: «Наверное, нельзя!», у Такэси есть силы, позволявшие это преодолевать.

Но и в раздорах он доходил до самого конца. Так, только Такэси удалось достичь своего и уйти из родительского дома, сцепившись с нашей мамашей-диктатором, которой никто из домочадцев не посмел бы перечить.

Вот такой он человек! Я крайне удивился и восхитился его тогдашним поведением.

Кикудзиро и Саки — наши родители, кровь которых течет в наших жилах, в жилах троих братьев и сестры, но, по всей видимости, только Такэси родился, получив от богов какую-то особую силу. Я не могу думать иначе.

И тут мне представляется смущенно улыбающийся Такэси, который, видимо, поругал бы меня за эти слова: «Старшой, ну ты и скажешь!»

Но на этом, пожалуй, и остановимся.

Самая последняя моя встреча с Такэси произошла в августе текущего года, когда я был приглашен выступить перед зрителями в качестве гостя в

программе «Подул ветер из Вашингтона!» телекомпании Асахи ТВ. Я рассказывал Такэси о третьей годовщине смерти матери, на которой он не мог присутствовать, так как в это время был на натуральных съемках за границей, а Такэси поведал мне о своей поездке на съемки в Италию.

«Братец, ты обхохочешься. Представь, как я под видом Макиавелли бегаю по итальянским улицам! Это похоже на то, как если бы блондин-иностранец с длинным носом превратился в охранника эпохи Эдо и разгуливал бы по улицам Киото. Ведь смешно, правда?»

Я всегда восхищался его рассказами-аллегориями. Его проникновение в суть вещей и умелый показ событий в смешной форме – это талант Такэси, который вновь удивил меня.

Если уж на то пошло, когда-то давно и матушка наша сравнивала нас, троих сыновей, с телевизорами. Она так распределила роли: «Сигэкадзу – цветной телевизор, Масару – черно-белый, а Такэси – со стереоприставкой».

Матушка тоже умело сочиняла истории. По сравнению со мной, совсем неинтересным «черно-белым», у Такэси гораздо больше способностей раз-

веселить людей. К тому же и сейчас в мире есть люди, которые ждут, чтобы их развлекали.

Он же для меня не только младший брат, но и «общественное достояние». Все обращают на Такэси пристальное внимание. Сейчас, когда уже нет с нами ни матушки, ни отца, вряд ли следует обременять его больше прежнего пустяковыми семейными заботами. Но, откровенно говоря, размышляя так, я испытываю нерешительность и колебания.

Находиться постоянно на переднем крае, на глазах у людей — дело совсем не из легких. В некоторых случаях превращая горе в смех, он буквально изнашивает себя. Но это потому, что Такэси не может иначе. Иногда остается только посочувствовать судьбе людей, одаренных незаурядным талантом.

* * *

Совсем недавно в разгар уборки в доме обнаружили школьные табели Такэси. Матушка, по-видимому, бережно их хранила. Остались все записи, начиная с начальной школы и кончая средней и высшей ступенью средней школы, то есть за двенадцать лет.

В начальной школе у него были очень хорошие успехи. А дальше, когда он пошел в среднюю школу и в старшие классы, учиться стал немного похуже. Его школьные достижения таким образом постепенно менялись, но и в начальной и средней школе ему делались замечания: «Ведет себя беспокойно!»

Когда я обнаружил эти записи, мои воспоминания разом перенеслись к тому времени, когда он учился в средней школе и беспрестанно цеплялся ко мне: «Братец, братец!» Из глубины моей памяти отчетливо всплыло выражение его лица. И я подумал: «А все-таки Такэси – мой младший брат!»

*Китано Масару, профессор
Университета Сюкутоку
сентябрь 2002 г.*

ОБ АВТОРЕ

Такеши Китано, знаменитый японский актер и режиссер, родился в Токио в 1947 г. Его любимый отец, маляр и изготовитель лаковых фигурок, был азартным игроком, от чего страдала вся семья. Мать Китано происходила из семьи военного. Ее мечта о карьере сына в качестве государственного служащего привела Китано в Токийский университет Мейджи. Уйдя из университета, так и не получив степень, Китано подряжался на любую случайную работу. Работая кассиром в стриптиз-клубе, он однажды разыграл комедийную сценку с переодеванием в женскую одежду. В соседнем кабаре он научился танцевать. Такой опыт в конце концов сформировал у молодого человека устойчивые комедийные навыки.

В 1971 г. Китано вместе со своим другом Киеши Канеко создал комический дуэт «Два Бита» (Two Beats); много позже, когда о былом сотрудничестве останутся только воспоминания, он возьмет псевдоним Бит Такеши в память о первых шагах в шоу-бизнесе. Поначалу они выступали в стрип-клубах, развлекая публику в перерывах между стриптизом. Только через два

года последовало предложение телепродюсера, и уже в 1976 г. Китано и Канеко получили приз японской телекомпании как лучший комический дуэт.

В 1983 г. на экраны выходит картина Нагисы Осимы «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс» с участием Китано. Фильм, сочетающий в себе признаки психологической драмы и философской притчи, подчеркивал, что в разных культурах понятия гуманизма и жестокости не тождественны. Картина была восторженно встречена в Европе. Китано зарекомендовал себя как актер, способный на мгновенное перевоплощение, с большим диапазоном эмоций и чувств.

Первая режиссерская работа Китано — фильм «Жестокий полицейский» (1989).

Несмотря на очевидное новаторство Китано-режиссера, фильм был встречен прохладно. Образ жестокого полицейского никак не вязался с тем комиком, который веселил всю Японию по выходным. Для Китано пришло время делать окончательный выбор между телевидением и кино.

В 1990 г. на экраны выходит «Точка кипения» — запутанная история о токийских подростках, нечаянно встав-

ших на пути якудза. Герой Китано появляется лишь во второй половине фильма и погибает за десять минут до конца, но оставляет едва ли не самое сильное впечатление от картины.

Далее режиссер пробует себя в жанровых лентах — «Сцены у моря» и «Кого-нибудь снял?» Обращение как к мелодраматическому, так и к комедийному сюжетам не привнесло новизны в творческий путь Такеши Китано и не имело значительного успеха.

Между съемками этих лент появляется «Сонатина», после которой Китано входит в пантеон классиков японского кинематографа. Герой фильма — гангстер Муракава (его сыграл Китано) из токийской якудза. Когда на Окинаве начинается жестокая война между бандитскими кланами, «бригаду» Муракавы посылают для урегулирования конфликта. Китано умело моделирует ситуацию, вводя в повествование элементы комедии, триллера, мелодрамы.

В 1994 г. Китано попадает в аварию, на всю жизнь «отпечатавшуюся» на лице режиссера. По его словам, он понял, что должен измениться. В 1996 г. он снимает «Ребята возвращаются» — историю друзей, идущих по жизни разными путями, но сохранивших от-

ношения даже тогда, когда судьба сталкивает их лоб в лоб. При обычном антураже – драки, убийство, мужская дружба – меняется киноязык, которым режиссер рассказывает свою историю. «Ребята возвращаются» имел мощный кассовый успех и был хорошо принят западной кинообщественностью.

В 1997 г. на экраны выходит один из лучших японских фильмов десятилетия – «Фейерверк». Этот фильм часто сравнивают с «Сонатиной»; но при определенной смысловой схожести «Фейерверк» выигрывает за счет возросшего режиссерского мастерства Китано.

После оглушительного успеха «Фейерверка» Китано заявил, что должен создать что-то другое. Он придумал интересную историю о плохом парне, который случайно совершает хорошие поступки. Так в 1999 г. в Канадах состоялась премьера «Кикуджиро», признанного на родине последним шедевром XX века.

После этого Китано снимается в нескольких культовых японских фильмах – «Табу», «Королевская битва» и др.

Последующие фильмы, сделанные им в качестве режиссера, – «Куклы»,

«Затойчи» и др. — также принесли Китано широкий успех как в Японии, так и за ее пределами.

Такеши Китано и сейчас продолжает оставаться ведущей фигурой на телевидении Японии. Он до сих пор участвует в восьми ТВ-программах в неделю. Весьма многогранен и писательский талант Китано — он пишет стихи, повести, которые экранизируют другие режиссеры. Также он прекрасный художник и мультипликатор, живописные работы Китано можно видеть в сценах «Фейерверка» и «Кикуджиро». Когда его спрашивают, как же он справляется со всем этим, Китано отвечает: «У меня нет впечатления, что я работаю. Я просто стараюсь получать удовольствие».

СОДЕРЖАНИЕ

Заметки на полях от переводчика	5
САКИ	9
КИКУДЗИРО	69
СМЕРТЬ ГОСПОЖИ КИТАНО САКИ	113
ЛЮДИ СЕМЕЙСТВА КИТАНО	131
Об авторе	152

Такеши КИТАНО

КИКУДЗИРО И САКИ

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*

Ведущий редактор *С. Н. Абовская*

Корректоры *Л. С. Самойлова,*

В. В. Саранчёва

Дизайн обложки *А. Ф. Щавелев*

Верстка *А. Б. Ирашин*

ТАКЕДИМ КИТАНО

Подписано в печать 23.03.2009

Формат 84×90 ¹/₃₂ Гарнитура «MysIC»

Печать офсетная. Бумага газетная

Усл.-печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 4,0

Тираж 3000 экз. Изд. № ОП-09-0165-ВС

Заказ № 1185

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»

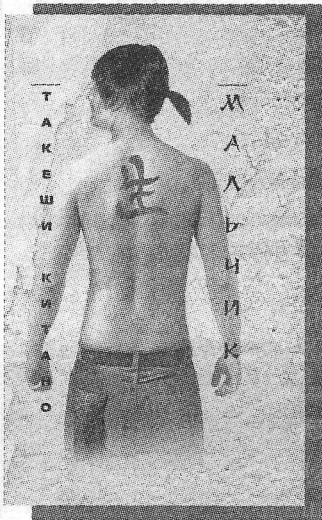
105062, Москва, ул. Макаренко 3, стр. 1

<http://www.olmamedia.ru>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

Такеши КИТАНО

МАЛЬЧИК

Такеши Китано – культовый актер и кинорежиссер, самая знаменитая фигура в японском кинематографе последних десятилетий. Его уникальные работы получили широкое признание как в Японии, так и за границей. Он – обладатель Золотого и Серебряного Льва Венецианского кинофестиваля за фильмы «Фейерверк» и «Затойчи».

Китано наделен непревзойденным комическим даром, он был и до сих пор остается одной из самых ярких фигур на японском телевидении благодаря своему острому глазу и бескомпромиссному чувству юмора. Кроме того, он – поэт, художник, кинокритик и писатель.

Это ПЕРВАЯ книга Такеши Китано, переведенная на русский язык.

Вам, уважаемый читатель, предоставляется уникальная возможность познакомиться с Китано в роли писателя. И узнать, о чем рассказывает на страницах своих книг хулиган и беспределщик в кино, знаменитый и загадочный Такеши Китано.

новая серия «ВОСТОК-ЗАПАД»

Такеши Китано — культовый актер и кинорежиссер, самая знаменитая фигура в японском кинематографе последних десятилетий. Его уникальные работы получили широкое признание как в Японии, так и за границей. Он — обладатель Золотого и Серебряного Льва Венецианского кинофестиваля за фильмы «Фейерверк» и «Затойчи». Китано наделен непревзойденным комическим даром; он был и до сих пор остается одной из самых ярких фигур на японском телевидении благодаря своему острому глазу и бескомпромиссному чувству юмора. Кроме того, он — поэт, художник, кинокритик и писатель.

Он никогда не говорил о своих родителях — Кикудзиро и Саки Китано, эта тема считалась запретной в разговорах с журналистами. Лишь в фильме «Кикуджиро» Китано показал нам такого отца, которого хотел бы иметь. Каким на самом деле был его отец? И почему Такеши Китано, в чьем творчестве постоянно соседствуют жестокость и доброта, черный юмор и романтизм, называет себя «маменькиным сынком»?

ISBN 978-5-373-02603-1

9 785373 026031

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

www.olmamedia.ru